

АЙЗЕК АЗИМОВ

ПОСЛЕДНИЙ РОМАН АЗИМОВА

НА ПУТИ К АКАДЕМИИ

Галактическая история

Айзек АЗИМОВ

На пути к Академии

«ЭКСМО»

1993

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Азимов А.

На пути к Академии / А. Азимов — «Эксмо»,
1993 — (Галактическая история)

ISBN 978-5-04-181599-8

Жизнь ученого Хари Селдона, основателя психоистории и создателя Академии, была не только посвящена математике. Он участвовал и предотвратил политический кризис, который чуть не обрушил Галактическую империю, и пытался предотвратить убийство императора Клеона I. Второй приквел к циклу «Академия». Последний роман великого Айзека Азимова.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-181599-8

© АЗИМОВ А., 1993
© ЭКСМО, 1993

Содержание

Часть I	9
Глава 1	10
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	34
Глава 9	36
Глава 10	39
Глава 11	41
Глава 12	46
Глава 13	49
Глава 14	51
Глава 15	55
Глава 16	57
Глава 17	59
Глава 18	62
Глава 19	66
Глава 20	68
Глава 21	70
Глава 22	72
Глава 23	73
Глава 24	74
Глава 25	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Айзек Азимов

На пути к Академии

Isaac Asimov

FORWARD THE FOUNDATION

Copyright © 1993 by Nightfall, Inc.

«Всем моим преданным читателям».

Айзек Азимов

© Н. Сосновская, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

АЙЗЕК АЗИМОВ

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ АКАДЕМИЯ /ОСНОВАНИЕ/

ПРЕЛЮДИЯ К АКАДЕМИИ
НА ПУТИ К АКАДЕМИИ

АКАДЕМИЯ
АКАДЕМИЯ И ИМПЕРИЯ
ВТОРАЯ АКАДЕМИЯ

АКАДЕМИЯ НА КРАЮ ГИБЕЛИ
АКАДЕМИЯ И ЗЕМЛЯ

ISAAC ASIMOV

**FORWARD
THE FOUNDATION**

АЙЗЕК АЗИМОВ

НА ПУТИ К АКАДЕМИИ

МОСКВА
2023

Часть I

Эдо Демерзель

Демерзель, Эдо. В то время как сосредоточение реальной власти в руках Эдо Демерзеля на протяжении большей части царствования Императора Клеона Первого не оставляет сомнений, относительно сути его правления мнения историков расходятся. Классическая версия гласит, что он был одним из весьма могущественных и безжалостных угнетателей в течение последнего столетия существования целостной Галактической Империи, но ревизионисты полагают, что если Демерзель и был деспотом, то деспотом милосердным. Не исключено, что причиной для подобных выводов были отношения Демерзеля с Гэри Селдоном, многим подробностям которых суждено остаться недоказанными, в особенности – странной истории жизни Ласкина Джоранума, чей фантастический взлет...
ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ¹

¹ Все цитаты из Галактической энциклопедии взяты из 116-го издания, опубликованного в 1020 г. а. э. издательством «Галактическая Энциклопедия» на Терминусе, с разрешения издательства.

Глава 1

– Повторяю, Гэри, – сказал Юго Амариль, – у твоего друга Демерзеля большие неприятности.

Он лишь немного подчеркнул слово «друг», но так, что прозвучало оно с нарочитой неприязнью.

Гэри Селдон это заметил, но пропустил мимо ушей. Немного помолчав, он чуть раздраженно спросил:

– Не понимаю, зачем ты так упорно отнимаешь у меня время и пытаешься убедить в этом?

– Затем, что думаю, как это важно, – отрезал Амариль и решительно уселся с таким видом, что стало ясно: уйдет он не скоро, а лишь тогда, когда выскажет все, что жаждет высказать.

Восемь лет назад он работал термальщиком в секторе Даль, то есть находился на самой низкой – ниже не придумаешь – ступени социальной лестницы. Гэри Селдон вытянул его наверх, сделал его математиком, интеллектуалом, более того – он сделал его психоисториком.

Юго никогда ни на минуту не забывал о том, кем он был, кем стал и кому обязан всеми переменами в своей жизни. Это означало, что, если уж он заговорил с Гэри Селдоном резко – ради его же пользы, значит, его уже ничто не остановит: ни желание сохранить любовь и уважение старшего товарища, ни забота о собственной карьере. Даже возможностью вести себя резко он тоже был обязан Селдону.

– Так вот, Гэри, – сказал Юго, рубанув по воздуху рукой, – я совершенно не понимаю почему, но ты об этом Демерзеле чрезвычайно высокого мнения. Я – нет. И никто из тех, к кому я привык прислушиваться, про него слова доброго не скажет. Так вот, на то, что будет с ним лично, мне наплевать, но я знаю, что тебе это не безразлично, поэтому я просто обязан все рассказать.

Селдон улыбнулся. Он был тронут преданностью и откровенностью своего ученика, но была у этой улыбки и другая причина: Юго не понимал и не мог понять, что опасения его совершенно беспочвенны.

Амариль был дорог Селдону. Мало сказать – дорог. Он был одним из тех четверых, кто встретился Селдону во время его недолгого, полного опасностей и приключений скитания по Трентору. Более близких людей у Селдона не было.

Каждый из них был по-своему уникален и незаменим. Уникальность Юго Амарилия состояла в том, что он поразительно быстро усвоил основные идеи психоистории и обладал богатейшим воображением, позволявшим ему постоянно придумывать нечто новое. Селдона успокаивала мысль о том, что, если и стряется с ним самим что-то непредвиденное до тех пор, когда математическая проработка будет завершена (а дело продвигалось крайне медленно, с колоссальными трудностями), останется хотя бы один человек со светлой головой, который сумеет продолжить исследования.

– Прости, Юго, – сказал Селдон, – я вовсе не хотел тебя обидеть или отмахнуться загодя от того, что ты хочешь мне рассказать. Все дело в работе. Как-никак, а я все-таки декан...

Тут уж Амариль улыбнулся:

– Ты меня тоже прости, Гэри, и не следовало бы мне смеяться, но ты так мало смахиваешь на декана.

– Знаю, знаю, но учиться-то надо. Я должен создавать видимость некоей безвредной деятельности, и уверяю тебя, на свете нет ничего более безвредного, чем должность декана математического факультета в Стрилингском университете. Я могу запросто забить весь день до отказа всякой ерундой, так что никому и в голову не придет задумываться о том, как про-

двигаются дела с разработкой психоистории, но вся беда в том, что у меня весь день как раз и забит разной чепуховиной и совершенно не остается времени на...

Селдон обвел взглядом свой кабинет, где в памяти компьютеров хранились материалы, доступ к которым был известен только ему и Юго. На тот случай, если бы кто-то и задумал сунуть туда нос, материал был закодирован мудреными символами, смысла которых никто, как бы ни силился, понять не сумел бы.

– Может быть, – пожал плечами Амариль, – когда ты получше разберешься в сути своих обязанностей, ты сумеешь их с кем-то разделить, и тогда у тебя будет оставаться больше времени.

– Надеюсь, – вздохнул Селдон. – Ну а теперь, скажи на милость, что такого важного ты хотел сообщить мне о Демерзеле?

– Ничего особенного, кроме того, что этот самый Эдо Демерзель, великий премьер-министр нашего дорогого Императора, в поте лица готовит переворот.

Селдон нахмурился:

– Зачем ему это нужно?

– Я не сказал, что ему это нужно. Просто он этим занят – вот уж не знаю, понимает он сам или нет, – и в этом ему оказывают неоценимую помощь его злейшие политические противники. Мне-то это до лампочки, как ты понимаешь, я бы только порадовался. В идеале было бы просто замечательно вышвырнуть такого премьера к чертям собачьим подальше от дворца, с Трентора... вообще за пределы Империи, если уж на то пошло. Но раз ты к нему почему-то неровно дышишь, я решил предупредить тебя, поскольку у меня большое подозрение, что в последнее время ты не так пристально, как следовало бы, следишь за ходом политических событий.

– Есть дела и поважнее, – негромко проговорил Селдон.

– Типа психоистории. Согласен. Но как мы сумеем разработать психоисторию, как можем надеяться на какой-либо успех, если будем игнорировать политику? Нынешнюю, современную политику, я хочу сказать. Сейчас – *сейчас* – как раз то самое время, когда настоящее прямо на наших глазах превращается в будущее. Мы не можем только тем и заниматься, что исследовать прошлое. Что было в прошлом, мы отлично знаем. Полученные результаты нужно проверять в настоящем и ближайшем будущем.

– У меня такое ощущение, – проворчал Селдон, – что эти доводы я уже слышал.

– И еще не раз услышишь. Потому что подобное доказывать тебе – никакого проку.

Селдон вздохнул, откинулся на спинку стула и с улыбкой посмотрел на Юго Амарилия. Да, молодой человек бывал грубоват, но зато он принимал психоисторию всерьез – и это все искупало.

Фигура Амарилия еще хранила следы его прошлого облика. Он был крепок, мускулист, широкоплеч, как всякий, кто привык к суровому физическому труду. Он до сих пор не позволял себе особых поблажек и держался в хорошей форме, и, надо сказать, это было неплохо, поскольку, когда Амариль отрывался от компьютера, чтобы размяться, волей-неволей к нему присоединялся и Селдон. Конечно, он не мог похвастаться такой физической силой, какой обладал Амариль, но по-прежнему неплохо дрался, хотя ему уже исполнилось сорок, а молодости не суждено было длиться вечно. Однако благодаря ежедневным разминкам Селдон сохранил стройность, руки и ноги у него были крепкими, как в юности.

– Наверняка, – сказал он, – ты печешься о Демерзеле не только потому, что он мой друг. Что-то еще тебя волнует.

– Никаких загадок. Покуда ты друг Демерзеля, здесь, в университете, ты в безопасности и можешь без помех продолжать работу над психоисторией.

– Ну, вот видишь? Следовательно, у меня есть самая веская причина поддерживать с ним дружеские отношения. Это уж ты должен понять.

– Поддерживать, вот именно. Согласен и понимаю. Но что касается самой дружбы – уволь, не понимаю. Но как бы то ни было, если Демерзель утратит власть – не важно, как это повлияет на твое положение, – тогда Империей станет править сам Клеон, и она покатится по наклонной плоскости еще быстрее. Анархия захлестнет нас с головой еще до того, как мы успеем разработать практические выкладки психоистории и превратить ее в науку, способную спасти человечество.

– Понимаю... Но, видишь ли, я не строю никаких иллюзий и не думаю, что нам удастся разработать психоисторию вовремя, для того чтобы предотвратить упадок Империи.

– Но даже если мы не сумеем предотвратить упадок, мы могли бы сгладить его последствия, верно?

– Может быть.

– Чего же тебе еще? Значит, чем больше будет у нас возможностей спокойно работать, тем выше шанс предотвратить упадок или, по крайней мере, смягчить его последствия. Стало быть, нужно сберечь Демерзеля, нравится это нам – вернее, мне – или нет.

– Но ты сам только что сказал, что очень порадовался бы, если бы он оказался где-нибудь подальше от дворца, Трентора и всей Империи.

– Да, но это в идеале. Однако мы живем не в идеальных условиях и нуждаемся в нашем премьер-министре, хотя он и является инструментом угнетения и деспотизма.

– Понятно. Но неужели ты думаешь, что Империя так близка к гибели, что уход со сцены премьер-министра прямо-таки подтолкнет ее в пропасть?

– Все просто. Психоистория подсказывает.

– Ты разве ею пользуешься для прогнозирования? Мы даже общей схемы пока не набросали. Какое может быть прогнозирование?

– Интуиция, Гэри.

– Интуиция всегда была. Нам нужно нечто большее, разве нет? Нам нужна математическая проработка вероятностей того, что может произойти в будущем при тех или иных условиях. Если мы будем полагаться только на интуицию, никакая психоистория не нужна вообще.

– Необязательно одно должно исключать другое, Гэри. Я говорю о том и другом сразу, о сочетании того и другого, что лучше каждого в отдельности, по крайней мере, до тех пор, пока психоистория не отшлифована окончательно.

– Если она когда-нибудь будет отшлифована, – едва слышно произнес Селдон. – Но скажи, пожалуйста, что за опасность грозит Демерзелю? Кто может сбросить его? Ты ведь хочешь сказать именно это?

– Да, – угрюмо кивнул Амариль.

– Ну так скажи. И прости мне мое неведение.

– Не притворяйся, Гэри, – вспыхнул Амариль. – Ты наверняка слышал о Джо-Джо Джорануме.

– Ну конечно. Он демагог... Постой, откуда он? Ах да, с Нишайи, верно? Захолустная планета. Там вроде бы коз разводят и делают отличные сыры.

– Все правильно. Но только он не просто демагог. У него уйма последователей, и он с каждым днем набирает силу. Он взывает к социальной справедливости, к более активному участию народных масс в политической жизни.

– Да, – кивнул Селдон. – Это я слышал. Его лозунг – «Правительство принадлежит народу».

– Не совсем так, Гэри. Он говорит: «Правительство – это народ».

– Ну да, понятно. И знаешь, должен тебе сказать, мне симпатичен этот лозунг. Не вижу в нем ничего дурного.

– Я тоже не вижу. Я всей душой за – если бы Джоранум именно это имел в виду. Но на уме у него совсем другое. А этот лозунг ему нужен лишь для того, чтобы вымостить дорогу к цели.

Он хочет избавиться от Демерзеля. Тогда ему будет легче управиться с Клеоном. А потом Джоранум сам заберется на трон и станет тем самым «народом», о котором разглагольствует сейчас с пеной у рта. Не ты ли сам мне говорил, что таких случаев было полным-полно в имперской истории, а ведь сейчас Империя слабее, чем когда бы то ни было. И удар, который раньше только пошатнул бы ее устои, сейчас может запросто положить на лопатки. Империя будет втянута в гражданскую войну и никогда не выберется из нее, и мы не сумеем завершить работу над психоисторией, которая показала бы, что нам нужно делать.

– Я понял, к чему ты клонишь, но уверен, что избавиться от Демерзеля будет нелегко.

– Ты просто не представляешь, как стремительно Джоранум набирает силу.

– Это не имеет никакого значения, – покачал головой Селдон и слегка нахмурился. – Вот интересно, как это его родители додумались дать ему такое нелепое имя? Скорее на кличку смахивает.

– Его родители тут совершенно ни при чем. Настоящее его имя – Ласкин, кстати, весьма распространенное на Нишайе. Это он сам прозвал себя Джо-Джо, наверное, просто взял первый слог от фамилии.

– Ну и дурак, по-моему.

– А по-моему, нет. Слышал бы ты, как его поклонники скандируют: «Джо-Джо-Джо-Джо...» И так без конца. В этом есть что-то гипнотическое.

– Ладно, – сказал Селдон и выпрямился, всем своим видом показывая, что ему не терпится вернуться к прерванной работе. – Поживем – увидим.

– Как ты можешь проявлять такое безразличие? – возмутился Амариль. – Я тебе говорю о реальной опасности.

– Никакой опасности я не вижу, – сказал Селдон убежденно. – Просто ты не располагаешь всеми фактами.

– Какими же фактами я не располагаю?

– Поговорим об этом в другой раз, Юго. А теперь займись своей работой. Заботы о Демерзеле и судьбе Империи оставь мне.

Амариль поджал губы, но спорить не стал – он привык подчиняться распоряжениям Селдона.

– Хорошо, Гэри, – кивнул он, но у двери обернулся и покачал головой. – Но ты совершаешь ошибку.

Селдон усмехнулся:

– Я так не думаю, но спасибо за предостережение. Я о нем не забуду. И все-таки я уверен – все будет хорошо.

Амариль вышел, и лицо Селдона сразу стало серьезным. А будет ли все хорошо на самом деле?

Глава 2

Селдон не забыл о предупреждении Амариля, однако не придавал ему большого значения. Минул его сороковой день рождения, нанеся очередной психологический удар.

Сорок лет! Прощай, молодость! Теперь жизнь для него больше не была подобна громадному нехоженому полю, уходящему далеко за горизонт. Уже восемь лет он жил на Тренторе, и время бежало неумолимо быстро. Еще восемь лет – и ему будет почти пятьдесят, там и до старости недалеко. А ему пока не удалось даже как следует подступиться к психоистории! Юго Амариль блестяще рассуждал о законах и выводил свои формулы, делая дерзкие предположения, основанные на интуиции. Но как можно было проверить эти предположения? Пока психоистория не представляла собой экспериментальной науки. Для ее создания потребуется проведение экспериментов, которыми должны быть охвачены целые миры, целые столетия. А как быть с этической ответственностью?

Казалось, проблему решить невозможно, и Селдон в конце концов углубился в факультетские дела. Домой он отправился в тот день не в лучшем расположении духа.

Как правило, прогулка по кампусу улучшала его настроение. Купола над Стрилингским университетом были так высоки, что создавалась иллюзия пребывания на безбрежном просторе, а погода тут всегда стояла хорошая. Тут росли деревья, зеленели лужайки, белели дорожки – словом, все выглядело так, будто Селдон никуда не улетал, а по-прежнему жил и работал в университете у себя на родине, на Геликоне.

Иллюзия переменной облачности создавалась здесь за счет появления и исчезновения солнечного света (не солнца, а именно солнечного света) через неравные промежутки времени. Было немного прохладно – совсем немного.

Пожалуй, в последнее время прохладных дней, таких, как сегодня, стало больше. Может быть, Трентор стал экономить энергию? Уж не признак ли это приближающегося кризиса? А может быть (от этой мысли Селдон поежился), он просто постарел и кровь у него медленнее течет? Селдон сунул руку в карманы куртки, зябко ссутулившись.

Обычно он шел домой, даже не задумываясь, куда идет. Ноги сами несли его, так что и по дороге домой, и по дороге на работу он мог думать о чем угодно. Сегодня не удалось. Странные звуки помешали. Совершенно бессмысленные.

– Джо... Джо... Джо... Джо...

Звуки доносились издали, приглушенно, но Селдон вспомнил... Ах да, Амариль предупреждал. Тот демагог... Неужели он здесь, в кампусе?

Селдон машинально свернул с обычной дороги и направился по пологому склону к университетскому полю – месту, предназначенному для студенческих митингов и занятий спортом, ритмикой.

В самой середине поля собралась большая толпа студентов и оживленно скандировала. На помосте незнакомый человек громко выкрикивал один и тот же слог, раскачиваясь в такт.

Но это был не Джоранум. Джоранума Селдон не раз видел в выпусках головизионных новостей. С тех пор как Амариль предупредил его, Селдон стал более внимательно следить за развитием событий. Джоранум был высокий, широкоплечий и всегда коварно, заискивающе улыбающийся. У него были густые песочного цвета усы и голубые глаза.

Нынешний оратор был невысок, можно сказать, коротышка, к тому же худой, широкоротый, темноволосый и... крикливый. К его словам Селдон не прислушивался, но разобрал фразу «власть одного – многим», которую тут же подхватило множество голосов.

«Неплохо, – подумал Селдон, – но как он собирается это осуществить и насколько серьезно?»

Селдон пробежал глазами толпу и вскоре заметил Фингагелоса, аспиранта математического факультета, черноволосого курчавого парня не без способностей.

– Фингагелос! – окликнул он аспиранта.

– Профессор Селдон, – обернувшись, отозвался Фингагелос, в первое мгновение не узнавший декана без неизменного калькулятора в руках. Подойдя к Селдону поближе, он спросил: – Вы пришли послушать этого парня?

– Просто решил узнать, по какому поводу шум. Кто это такой?

– Его зовут Намарти, профессор. Он говорит от имени Джо-Джо.

– Это я понял, – кивнул Селдон. Толпа снова взревела в ответ на очередной лозунг. – Но кто он такой, этот Намарти? Его имя мне ничего не говорит. С какого он факультета?

– Он не из университета, профессор. Он один из людей Джо-Джо.

– Если он не из университета, тогда, значит, не имеет права произносить тут речи без соответствующего разрешения. Как вы полагаете, есть у него такое разрешение?

– Понятия не имею, профессор.

– Что ж, давайте выясним.

Селдон углубился было в толпу, но Фингагелос потянул его за рукав.

– Не стоит, профессор. С ним молодчики.

За спиной оратора действительно стояли шестеро дюжих парней. Они выстроились в цепочку, расставив ноги на ширину плеч и сложив руки за спиной.

– Молодчики?

– На всякий случай – мало ли что взбредет кому-то в голову.

– Ну, тогда он уж точно не из университета, и будь у него даже разрешение на выступление, он не имеет права разгуливать тут с этими шалопаями. Так, Фингагелос, дайте-ка знать в университетскую службу безопасности. Хотя по идее они должны бы и сами уже быть здесь.

– Думаю, они просто держатся подальше от неприятностей, – пробормотал Фингагелос. – Прошу вас, профессор, не стоит ничего такого затевать. Если вы хотите, чтобы я разыскал офицеров службы безопасности, я сделаю это, но очень прошу вас, подождите, пока они придут.

– Возможно, мне удастся прекратить все это до их прихода.

И Селдон стал решительно пробираться вперед. Это оказалось не так уж трудно. Многие из присутствующих на митинге сразу узнавали его, а те, кто не знал его лично, соответствующим образом реагировали на профессорскую нашивку на лацкане его куртки. Селдон добрался до помоста, ухватился руками за край и, негромко крикнув, подтянулся и забрался наверх. «А лет десять назад, – подумал он с горечью, – я бы запросто подтянулся на одной руке и крикать бы не пришлось».

Профессор встал во весь рост. Оратор прервал речь на полуслове и уставился на него. Взгляд его был холоден и тревожен.

Селдон спокойно сказал:

– Попрошу ваше разрешение на выступление перед студентами, сэр.

– Кто вы такой? – вызывающе громко спросил оратор.

– Я профессор университета, – ответил Селдон так же громко. – Ваше разрешение, сэр.

– Вы не имеете права требовать у меня какое-то там разрешение, – отпарировал оратор. Парни, стоявшие за его спиной, сбились теснее.

– Если у вас нет разрешения, я бы посоветовал вам как можно скорее покинуть территорию университета.

– А если я не сделаю этого?

– Во-первых, сюда уже приглашены сотрудники службы безопасности. А во-вторых... Студенты, – обратился Селдон к толпе, – мы пользуемся правом свободы слова и собраний в нашем кампусе, но можем лишиться своих привилегий, если позволим посторонним без разрешения произносить безответственные...

Тут на его плечо легла тяжелая рука. Он вздрогнул. Обернувшись, он увидел, что рядом с ним стоит один из тех, кого Фингагелос называл «молодчиками».

С жутким акцентом – Селдон не успел понять, откуда этот мужлан был родом, – тот процедил сквозь зубы:

– Пошел вон отсюда, да побыстрее!

– Представители службы безопасности будут здесь с минуты на минуту.

– В таком случае, – ухмыльнулся Намарти, – будет бунт. А нас этим не запугаешь...

– Никакого бунта не будет, – покачал головой Селдон. – Чего вы добиваетесь? – спросил Селдон. – Я понимаю, вас бы это порадовало, но бунта не ждите. Всем вам придется убраться отсюда подобру-поздорову. – Он, дернув плечом и отбросив руку приспешника Намарти, снова обратился к студентам: – А мы об этом позаботимся, верно?

Кто-то из толпы выкрикнул:

– Это профессор Селдон! Не троньте его. Он наш человек.

Селдон почувствовал, что настроение у собравшихся неоднозначное. Он знал наверняка, что некоторым забавно будет поглядеть на стычку посторонних со службой безопасности – именно забавно. Но тут были и те, кто питал к нему личные симпатии, и те, кто его не знал, но кому неприятен был сам факт грубого обращения с профессором университета.

Тут взвизгнула женщина:

– Осторожнее, профессор!

Селдон мгновенно развернулся к молодчикам. Он прикидывал, справится ли – сработает ли реакция и хватит ли сил, несмотря на его навыки в рукопашной схватке.

Было видно, что парни слишком уверены в себе. Один из парней двинулся прямо на него. Он не торопился, что работало на Селдона. Вдобавок выбросил вперед руку – просто замечательно!

Селдон схватил его за руку, крутанул ее, вскинул вверх, резко опустил вниз, крикнул (и зачем ему надо было кричать?), и парень плашмя рухнул на помост с вывихнутым плечом.

Развитие событий принимало уж вовсе неожиданный оборот. Толпа оглушительно взревела. У студентов, судя по всему, проснулась местническая гордость.

– Поддай-ка им как следует, проф! – воскликнул кто-то.

Его голос поддержал дружный рев.

Селдон пригладил волосы и постарался сдержать дыхание. Размахнувшись ногой, он поддел незадачливого противника и сбросил его с помоста.

– Еще желаете? – вежливо спросил он. – Или все-таки уйдете тихо?

Намарти и его охранники растерянно переминались с ноги на ногу. Селдон сказал им:

– Я вас предупреждаю. Толпа теперь на моей стороне. Стоит вам только попытаться прикоснуться ко мне, и вас разорвут в клочья. Ну, кто следующий? Поехали. Подходите по одному.

Голос его звучал все громче. Он пальцем поманил к себе молодчиков. Толпа торжествующе взревела.

Намарти с места не двигался. Селдон по-кошачьи скользнул к нему и крепко ухватил за шею. А студенты уже карабкались на помост, выкрикивая: «Подходи по одному! Подходи по одному!» Вскоре между телохранителями Намарти и Селдоном выросла живая стена. Селдон крепче сжал горло Намарти и прошептал ему на ухо:

– Вот как это делается, Намарти. Поверь мне – уж я-то знаю как. Этим не один год занимаюсь. Попробуй рвануться, сделай только шаг, и я сотворю с тобой такое, что ты никогда не сможешь больше произносить речей. Шепотом будешь говорить, голубчик, понял? Если тебе дорог твой голосок, делай, как я велю. Я тебя отпущу, а ты прикажи своим бульдогам убираться, да побыстрее. Попробуй хоть слово сказать не так, и оно будет твоим последним словом. А если тебе вздумается еще раз навестить кампус, пощады не жди. Я доведу дело до конца.

Он тут же ослабил хватку. Намарти хрипло пробормотал:

– Пошли отсюда все!

Молодчики поспешно ретировались, окружив низверженного оратора. А когда буквально через несколько мгновений на поле брани появились-таки сотрудники службы безопасности, Селдон сказал:

– Прошу прощения, джентльмены. Ложная тревога.

По дороге домой Селдон испытывал недовольство собой – показал себя не с той стороны, с какой хотелось бы. В конце концов, он никогда не был садистом. «А самое противное, – думал он, – что об этом наверняка узнает Дорс». Пожалуй, было бы лучше, если бы он сам ей все рассказал, а то ведь такое накрутят. Но ей все равно не понравится, даже если он сам все подробно расскажет.

Глава 3

Так оно и вышло.

Дорс ждала Селдона у дверей коттеджа в весьма выразительной позе – уперев руку в бок. Она выглядела почти такой же, какой ее впервые увидел Селдон восемь лет назад здесь, в этом самом университете: стройная, рыжеволосая. Ему она казалась красавицей, хотя, если судить объективно, не была такой уж красивой. Но Селдон с первых дней после их встречи и до сих пор не научился смотреть на нее объективно.

Дорс Венабили! Глядя в спокойное лицо верной подруги жизни, Селдон подумал о том, что во множестве миров, да даже во многих секторах Трентора, он мог бы называть ее Дорс Селдон, но он понимал, что тогда бы она стала чем-то вроде его собственности, а ему самому этого не хотелось, хотя такой порядок вещей давно установился в Империи – жена принимала фамилию мужа.

Покачав головой, от чего ее шелковистые локоны слегка растрепались, Дорс негромко проговорила:

– Я уже все знаю, Гэри. Ну что прикажешь с тобой делать?

– Например, поцеловать.

– Это можно, но сначала я все-таки сделаю тебе внушение. Входи, дорогой. – Она впустила Селдона в дом и закрыла дверь. – Послушай, милый, у меня работы по горло. Я все еще вожусь как проклятая с кошмарным периодом истории Тренторианского Королевства, который ты считаешь сверхважным для твоей работы. Ты прекрасно знаешь, что я до сих пор обязана этим заниматься. Это тем более моя обязанность теперь, когда у тебя наметился некоторый прогресс в психоистории. Что же, прикажешь бросить работу и таскаться повсюду за тобой, водить тебя за руку?

– Прогресс? Это было бы недурно. Но водить меня за руку и защищать никакой нужды нет.

– Нет? Я послала Рейча искать тебя. В конце концов, ты задерживался, и я волновалась. Имею я право волноваться? Обычно ты меня предупреждаешь, если задерживаешься. Прости, если тебе не нравится моя роль телохранителя. Но, Гэри, я действительно твой телохранитель.

– А не кажется ли вам, о телохранительница Дорс, что время от времени мне бывает желательно сорваться с поводка?

– А если с тобой что-нибудь случится, что я скажу Демерзелю?

– Я что, опоздал к обеду? Не пойму, мы разве теперь пользуемся услугами кухарки?

– Нет, я просто ждала тебя. Это ты привык обедать вовремя. Я очень тебя прошу, не бросай хорошую привычку.

– Разве Рейч не сказал тебе, что со мной все в порядке? О чем вообще разговор?

– Когда он тебя нашел, ты уже управился, и он вернулся домой раньше тебя, но ненадолго. Подробности я не знаю. Скажи мне, что ты там делал?

Селдон пожал плечами:

– Да ничего особенного. Собрался нелегальный митинг, и я его разогнал. У университета были бы большие неприятности, Дорс, если бы я этого не сделал.

– Именно ты должен был этим заниматься? Гэри, ты больше не профессиональный борец. Ты...

– Хочешь сказать – старик? – прервал ее Селдон.

– Для борьбы – да. Тебе сорок. Как ты себя чувствуешь, кстати?

– Нормально. Устал немного.

– Можно себе представить. А в один прекрасный день, когда ты снова попытаешься разыгрывать из себя юного геликонского атлета, ты вернешься домой со сломанным ребром... А теперь рассказывай все.

– Послушай, я говорил тебе, что Амариль предупредил меня – ну, насчет того, что демагогия Джо-Джо Джоранума грозит опасностью Демерзелю?

– Джо-Джо. Да, помню. Ты давай про то, чего я не знаю. Что стряслось сегодня?

– На поле собралась толпа. В кампус проник лазутчик Джо-Джо по имени Намарти и принялся разглагольствовать...

– Намарти... Намарти. Джембол Дин Намарти, правая рука Джоранума.

– Ну вот, видишь, ты про него знаешь больше меня. Словом, он собрал огромную толпу, не имея разрешения на публичное выступление, и, думаю, надеялся, что ему со своими мордоворотами удастся затеять бунт. Им же как воздух необходимы такие спектакли, а если бы им удалось добиться хотя бы временного закрытия университета, они бы запросто сумели обвинить Демерзеля в нарушении принципов общественных свобод. Я думаю, его они винят абсолютно во всем, в чем только не лень. В общем, я им задал... Пришлось им убраться несолоно хлебавши.

– Да ты никак гордишься собой?

– А почему бы и нет? Совсем неплохо для сорокалетнего.

– Так ты за этим полез в драку? Чтобы проверить, на что еще способен?

Селдон рассеянно пробежал глазами обеденное меню.

– Нет, – ответил он немного погодя. – Не за этим. Я на самом деле считаю, что университету грозили лишние неприятности. И еще я думал о Демерзеле. Боюсь, внушение Амариля насчет грозящей ему опасности подействовало на меня сильнее, чем я ожидал. Это было глупо, Дорс, ведь я прекрасно понимаю, что Демерзель в силах сам о себе позаботиться. Но этого я не могу объяснить ни Юго, ни кому-то другому – никому, кроме тебя. – Он глубоко вздохнул и продолжал: – Какое счастье, что хотя бы с тобой я могу говорить об этом открыто! Ведь ты, так же как и я, знаешь, что наш Демерзель неприкасаем.

Дорс нажала кнопку на выдвижной панели стены, и обеденный отсек комнаты осветился приятным, мягким розовато-персиковым светом. Они с Гэри сели к столу, уже накрытому к обеду. Безупречно белая скатерть, хрусталь, столовые приборы. Стоило им опуститься на стулья, как выдвижная панель поползла кверху и на столе одно за другим начали появляться блюда. В это время суток долго ждать не приходилось. Селдон уже привык к тому, что его теперешнее положение позволяет ему с такими удобствами питаться дома, не наведываясь в преподавательскую столовую.

Он одобрил еду изысканными специями, к которым они с Дорс пристрастились во время краткого пребывания в Микогене, – только специи и были хороши в этом странном, заиклившимся на дурацкой религии, прочно привязанном к прошлому секторе.

Дорс негромко спросила:

– Что ты имеешь в виду под словом «неприкасаем»?

– Послушай, дорогая, он способен воздействовать на эмоции. Не может быть, чтобы ты об этом позабыла. Если Джоранум и впрямь станет опасен, Демерзель сумеет его... (Селдон щелкнул пальцами, подбирая подходящее слово) изменить, заставить думать иначе.

Дорс насупилась. Обед прошел в непривычной тишине. Только тогда, когда трапеза была завершена и все, что было на столе – посуда, приборы, скатерть, – уползло в образовавшееся посреди стола отверстие, которое тут же само собой закрылось, Дорс нарушила молчание:

– Не хотелось бы говорить, Гэри, но я не могу более держать тебя в неведении.

– В неведении? – нахмурился Селдон.

– Да. Мы никогда не говорили об этом. Собственно, я никогда и не думала, что придется об этом заговорить, но и у Демерзеля есть уязвимые места. Он не неприкасаем, Гэри, ему может грозить опасность, и Джоранум – опасность вполне реальная.

– Ты не шутишь?

– Нисколько. Просто ты плохо понимаешь, что такое роботы – такие сложные, как Демерзель. А я очень хорошо понимаю.

Глава 4

Оба умолкли, но лишь потому, что мысли беззвучны. А мысли Селдона просто-таки разбушевались.

Все верно. Его жена прекрасно разбиралась в роботах. Это так удивляло Гэри, и удивляло так часто, что он в конце концов сдался и старался вовсе об этом не думать. Ведь если бы не Эдо Демерзель – робот, Гэри никогда бы не встретился с Дорс. Дорс *работала* на Демерзеля, и именно Демерзель «приставил» Дорс к Гэри восемь лет назад, дабы она охраняла ученого во время его скитаний по разным секторам Трентора. И хотя теперь она была его женой, помощницей, его «лучшей половиной», Гэри до сих пор нет-нет да и задумывался о странной связи Дорс с роботом Демерзелем. Это оставалось единственной областью жизни Дорс, куда Гэри не имел доступа. И это было самым болезненным вопросом их отношений. Жила ли Дорс с Селдоном, повинаясь приказу Демерзеля или потому, что любила все-таки? Ему хотелось верить в последнее, и все же...

Его жизнь с Дорс Венабили была счастливой, но при определенном условии. И условие это было тем более жестким, что установилось не в итоге какого-либо обсуждения или договора между ними, а за счет обоюдного молчаливого согласия.

Селдон понимал, что обрел в Дорс все, что бы ему хотелось видеть в образе жены. Правда, у них не было детей, но он этого и не ждал, да, честно говоря, и не слишком желал. У него был Рейч, к которому он чувствовал искреннюю отцовскую привязанность – такую сильную, будто Рейч и впрямь был его родным ребенком.

И вот Дорс заставила его погрузиться в мысли о том, о чем он думать вовсе не хотел. Потеряло силу их обоюдное согласие. А ведь только за счет этого согласия они и были спокойны и счастливы уже столько лет. Селдон разнервничался, но постарался прогнать невеселые мысли прочь. Он смирился с тем, что его жена считает себя его защитницей, пусть так и будет. В конце концов, это же с ним она живет под одной крышей, сидит за одним столом и разделяет супружеское ложе – с ним, а не с Демерзелем.

Размышления его прервал голос жены:

– Я сказала... Гэри, ты спишь, что ли?

Селдон слегка вздрогнул. Значит, она уже не в первый раз к нему обращается, а он не слышит – так глубоко задумался.

– Прости, дорогая. Нет, я не сплю. Просто размышляю о том, как я должен отреагировать на твоё заявление.

– Насчет роботов? – уточнила она, произнося запретное слово совершенно спокойно.

– Ты сказала, что я не разбираюсь в них так хорошо, как ты. Как я должен на это реагировать? То есть без обиды, – добавил он чуть погодя, понимая, что здорово рискует.

– Я же не сказала, что ты вообще не разбираешься в роботах. Если уж цитируешь меня, то цитируй точно. Я сказала, что ты плохо их понимаешь. Уверена, знаешь ты о них многое, пожалуй, намного больше меня, но знать и понимать – не всегда одно и то же.

– Послушай, Дорс, ты, по-моему, нарочно говоришь загадками, просто чтобы позлить меня. А парадоксы возникают лишь из дилетантизма – невольного или преднамеренного. Мне это не нравится ни в науке, ни в обычном разговоре, разве только ради смеха, но, похоже, сейчас не место юмору.

Дорс рассмеялась так, как могла смеяться только она, – негромко, нежно, словно веселье было для нее неким сокровищем и она не желала им разбрасываться.

– Видимо, парадокс заставил тебя заговорить столь патетическим тоном, а ты всегда ужасно смешной, когда так говоришь. Я все объясню. Вот уже вовсе не собиралась тебя злить.

Она наклонилась, погладила мужа по руке, а он с удивлением и растерянностью обнаружил, что его рука непроизвольно сжалась в кулак.

– Ты много говоришь о психоистории. По крайней мере, со мной. Это тебе известно? – спросила Дорс.

Селдон откашлялся.

– Если говорить о психоистории, то тут я полагаюсь на твоё милосердие. Проект секретен. Секретен по самой своей сути. Психоистория будет работать, если только люди, которых она касается, не будут ничего знать о ней. Поэтому говорить о проекте я могу только с Юго и с тобой. Что касается Юго, то тут речь об интуиции. Он блестящий учёный, но настолько дерзок, что способен прыгнуть в пекло с завязанными глазами, и тогда приходится играть роль сдерживающего фактора. Видимо, мне суждено всю жизнь присматривать за ним, опекать. У меня, правда, тоже порой мелькают дикие мысли, и это помогает мне порой слушать, как они звучат, даже тогда, – улыбнулся он, – когда ты откровенно даёшь мне понять, что не понимаешь ни слова из того, о чём я говорю.

– Знаю, что я твой демонстрационный стенд, и не имею ничего против, Гэри, так что не надо делать поспешных выводов и менять привычки. Естественно, я почти ничего не понимаю в математике, я всего-навсего историк, даже не учёный-историк. И сейчас всё моё время занято изучением воздействия экономических изменений на развитие политических событий...

– Да, и, между прочим, тут я твой демонстрационный стенд, или ты не замечаешь? То, чем ты сейчас занимаешься, понадобится мне в один прекрасный день для психоистории, а посему у меня есть подозрение, что тогда ты мне окажешь неоценимую помощь.

– Прекрасно! Вот мы и выяснили, почему ты со мной живёшь, – я, собственно, и так догадывалась, что не из-за моей блистательной красоты, – а теперь позволь, я продолжу своё объяснение. Так вот, изредка, в тех случаях, когда ты отступаешь от чистой математики, мне кажется, что я начинаю улавливать ход твоих мыслей. Несколько раз ты пытался разъяснить мне нечто, что ты называешь необходимостью минимализма. Думаю, я тебя правильно поняла. Под этим ты имеешь в виду...

– Я знаю, что я имею в виду.

– Гэри, утихомирься, – чуть обиженно урезонила его Дорс. – Я вовсе не собираюсь объяснять это тебе. Я себе пытаюсь объяснить. Ты же сказал, что ты мой демонстрационный стенд, вот и побудь им немного. Честная игра, не так ли?

– Честная-то она честная, но если ты собираешься обвинять меня в высокопарности, когда я говорю, что единственное маленькое...

– Хватит! Замолчи! Ты говорил мне, что минимализм является одним из главнейших принципов прикладной психоистории, заключающимся в способности менять нежелательный ход событий на желаемый или, по крайней мере, на менее нежелательный. Ты говорил, что изменения должны быть самыми незаметными, самыми минимальными, какие только возможны...

– Верно, – кивнул Селдон. – Это потому...

– Позволь, Гэри, – прервала его Дорс. – Объясняю сейчас я. Мы оба прекрасно знаем, что ты всё отлично понимаешь. Минимализм нужен из-за того, что любое изменение даёт мириады побочных явлений, а это не всегда позволительно. Если же изменение слишком велико и побочных явлений, следовательно, огромное количество, становится очевидно, что итог будет слишком далек от того, что задумано, и более того – он станет совершенно непредсказуем.

– Все точно, – подтвердил Селдон. – В этом суть хаотического эффекта. Проблема состоит в том, существуют ли бесконечно малые изменения, способные сделать результат предсказуемым, или история человечества неизбежно и неизменно хаотична во всех отношениях. Именно поэтому я и полагал вначале, что психоистория не...

– Знаю, знаю, но дай мне договорить! Дело вовсе не в том, каждое ли изменение можно довести до минимума. Дело в том, что любое изменение, превышающее пределы минимума, хаотично. Может оказаться так, что нужное изменение равно нулю, а если не нулю, то какой-то очень малой величине, и тогда основной проблемой станет то, как обнаружить некоторое изменение, достаточно малое и все же больше нуля. Вот примерно так я понимаю то, что ты называешь минимализмом.

– Более или менее верно, – согласился Селдон. – Безусловно, на языке математики это можно было бы выразить более четко и кратко. Вот посмотри...

– Смилуйся! – проговорила Дорс. – Итак, раз ты знаешь, какое значение этот момент имеет для психоистории, тебе должно быть понятно многое относительно Демерзеля. У тебя есть знания, но нет понимания. А нет его потому, что тебе никогда не приходило в голову попробовать применить правила психоистории к Законам Роботехники.

Селдон отрицательно помотал головой и пробормотал:

– Ну, теперь я уж точно не понимаю, к чему ты клонишь.

– Но ведь это так просто! Робот тоже пользуется принципами минимализма, Гэри. Согласно Первому Закону, робот не может нанести вред человеку. Это – главное правило для обычных роботов, но Демерзель совершенно необычен, и для него выше Первого Закона стоит Нулевой. А Нулевой Закон гласит, что робот не может нанести вред всему человечеству. И это ставит Демерзеля точно в такие же рамки, в каких находишься ты, работая над психоисторией. Понимаешь теперь?

– Вроде бы да.

– Надеюсь. Так вот, если Демерзель и обладает способностью изменять сознание людей, он должен делать это без нежелательных побочных явлений, а поскольку он занимает пост премьер-министра Императора, таких побочных явлений – бессчетное количество.

– И какое это имеет отношение к нынешней ситуации?

– Сам подумай! Ты не можешь сказать никому, кроме меня, конечно, что Демерзель – робот; он так все устроил, что ты просто не можешь ни с кем об этом говорить. Но чего стоило произвести такой переворот в твоем сознании? Скажи честно, тебе хочется поведать людям, что он – робот? Тебе хочется прекратить его существование и деятельность, когда ты обязан ему самой возможностью работать спокойно? Нет, конечно. Следовательно, изменения, произведенные с твоим сознанием, должны быть исключительно минимальными, такими, чтобы их хватало ровно настолько, чтобы ты не проговорился в момент возбуждения или беззаботности. Изменения настолько минимальны, что у них практически нет побочных явлений. Вот именно так Демерзель и пытается править всей Империей.

– Ну а в случае с Джоранумом?

– Тут дело совсем другое. Какие бы ни были у него мотивы, он – ярый, откровенный противник Демерзеля. Несомненно, Демерзель мог бы все переменить, но исключительно ценой таких изменений в личности Джоранума, что в итоге Демерзель просто не смог бы предугадать результатов. И вместо того чтобы рисковать возможностью нанести вред Джорануму, вызывать побочные явления, следствием которых может быть нанесение вреда другим людям, а возможно, и всему человечеству, он должен не трогать Джоранума, не трогать до тех пор, покуда не придумает, не найдет какого-то маленького изменения, совсем крохотного, с помощью которого можно было бы спасти положение, никому не навредив. Вот почему Юго прав, вот почему Демерзель действительно уязвим.

Селдон слушал молча. Похоже, он крепко задумался. Прошло несколько минут, и наконец он сказал:

– Раз Демерзель не может ничего поделать, значит, этим обязан заняться я.

– Он ничего не может поделать, но что же можешь поделать ты?

– Я дело другое. Я не связан с Законами Роботехники. Мне нет нужды обременять себя непрерывными мыслями о минимализме. А для начала мне необходимо повидаться с Демерзелем.

Дорс разволновалась не на шутку.

– Необходимо? Я уверена, продемонстрировать ваше знакомство особого смысла не имеет.

– Видишь ли, настало время, когда довольно притворяться, будто бы мы с ним не знакомы. Естественно, я не собираюсь наносить ему визит под рев фанфар и с предварительным торжественным объявлением по головидению. Но увидеться с ним мне очень нужно.

Глава 5

Селдон безумно злился. Проклятое время, проклятый возраст! Восемь лет назад, когда он впервые попал на Трентор, он бы не задумывался, а действовал. Тогда у него ничегошеньки не было за душой – гостиничный номер и пожитки, которые запросто можно было унести с собой, то бишь он был свободен, как птица, и мог летать по всему Трентору куда вздумается.

А теперь... Ученые советы, необходимость беспрерывно принимать какие-то решения, работа, работа... Нелегко было бросить все это и помчаться к Демерзелю. Допустим, даже если он сумел бы действительно вырваться – у самого Демерзеля дел было по горло. Да, выкроить время, чтобы они оба имели возможность встретиться, прямо скажем, было нелегко.

Нелегко было и смотреть, как Дорс покачивает головой.

– Просто не представляю, что ты собираешься делать, Гэри.

Он нетерпеливо ответил:

– Я тоже, Дорс, не представляю, что мне нужно делать. Надеюсь понять *что*, но для этого мне надо встретиться с Демерзелем.

– Твоя первейшая обязанность – психоистория. Он тебе скажет именно это.

– Может быть. Вот я и выясню.

И теперь, как раз тогда, когда восемь дней спустя он выбрал время для встречи с премьер-министром, Селдон получил послание. Старомодные, несколько вычурные буквы загорелись на стенном экране в кабинете Селдона. Содержание послания соответствовало витиеватости каллиграфии: «ПРОШУ АУДИЕНЦИИ У ПРОФЕССОРА ГЭРИ СЕЛДОНА».

Селдон несколько мгновений удивленно смотрел на экран. Даже к Императору теперь никто не думал обращаться в таком, столетней давности, духе.

Вдобавок буквы были не напечатаны для ясности чтения, как делалось обычно. Написано было так, что прочесть послание не составляло труда, но вместе с тем почерк был красив и небрежен, словно писал тот, кто считает каллиграфию искусством. А интереснее всего была, конечно же, подпись: «ЛАСКИН ДЖОРАНУМ»! Не кто-нибудь – сам Джо-Джо просил аудиенции у Селдона.

Селдон невольно причмокнул. Вот это да! Теперь был ясен и подбор слов, и каллиграфия. Все продумано – обычная просьба была изложена таким замысловатым образом, что просто обязана была вызвать любопытство. Большого желания встречаться с этим человеком не было, то есть не было бы при обычных обстоятельствах. Но ради чего такая помпезность и артистизм? Это ему захотелось выяснить.

Он поручил секретарю договориться о времени и месте встречи. Безусловно, в рабочем кабинете, а не дома. Деловой разговор, и только, ничего лишнего.

А главное, встреча должна состояться как раз тогда, когда и он задумал повидаться с Демерзелем.

Дорс сказала:

– Ничего удивительного, Гэри. Ты поколотил двоих его людей, причем один из них – его ближайший помощник, испортил ему задуманное развлечение в виде студенческого бунта и, соответственно, выставил его, пускай даже в лице его соратников, в дурацком свете. Вот он и решил на тебя посмотреть, и у меня такое ощущение, что лучше мне присутствовать при вашей встрече.

Селдон покачал головой:

– Я возьму с собой Рейча. Он знает те же самые приемы, что знаю и я, а лет ему вдвое меньше. Хотя я уверен, что никакая защита мне не понадобится.

– Как, интересно, ты можешь быть в этом уверен?

– Джоранум придет ко мне в кабинет. Стало быть, встреча состоится в пределах университета. Молодежи кругом – хоть отбавляй. По-моему, я достаточно популярен в студенческих кругах, и, насколько догадываюсь, Джоранум не тупица же и понимает, что дома и стены помогают. Думаю, что он будет исключительно вежлив и дружелюбен.

– Ну-ну... – проговорила Дорс, и уголок верхней губы у нее едва заметно приподнялся.

– Но притом – совершенно убийствен, – закончил Селдон.

Глава 6

Гэри Селдон придал лицу отсутствующее выражение и склонил голову ровно настолько низко, чтобы засвидетельствовать подобающую случаю почтительность. Он успел до встречи внимательно рассмотреть несколько голографических портретов Джоранума, но, как это часто бывает, наяву человек оказывается не совсем таким, а порой – и совсем не таким, как на голограммах, как бы старательно они ни были изготовлены. «Вероятно, – подумал Селдон, – все дело в том, как реагируешь на реальность».

Джоранум оказался высоким мужчиной – во всяком случае, не ниже Селдона ростом, но гораздо плотнее профессора. И дело тут было вовсе не в мускулатуре, поскольку он, не будучи тучным, производил впечатление человека мягкотелого. Округлое лицо, густая шапка волос (скорее песчаных, чем желтых), ясные голубые глаза. Одет Джоранум был небрежно, физиономию его украшала полуулыбка, создававшая иллюзию дружелюбия и расположенности, но не оставлявшая при всем том сомнений, что это, увы, иллюзия, и ничего больше.

– Профессор Селдон, – обратился он к Гэри глубоким, низким, хорошо поставленным голосом профессионального оратора, – я счастлив видеть вас. Вы были очень добры, что позволили мне навестить вас. Думаю, вы не будете возражать против того, что я прибыл к вам не один, а вместе со своим ближайшим помощником, моей, так сказать, правой рукой, хотя и не предупредил вас об этом заранее. А вы, видимо, с ним уже знакомы.

– Да, знаком. И прекрасно помню, при каких обстоятельствах состоялось наше знакомство.

Селдон несколько насмешливо взглянул на Намарти, более внимательно, чем в прошлый раз, разглядывая его. Намарти был среднего роста, с тонкими чертами лица, бледный, темно-волосый, ширококоротый. Ни полуулыбки, ни какого-то иного выражения лица – только осторожность и внимание.

– Мой друг, доктор Намарти, его специальность – древняя литература, пришел к вам по собственной инициативе. Извиниться, – уточнил Джоранум, бросив быстрый взгляд на Намарти.

Тот, слегка поджав губы, проговорил бесцветным голосом:

– Я сожалею, профессор, о том, что произошло тогда на поле. Я попросту был не в курсе тех строгих правил, которыми регламентируются в вашем университете подобные собрания, и несколько увлекся.

– Что вполне понятно, – сказал Джоранум. – Ничем другим и объяснить невозможно. И потом, он понятия не имел о том, кто вы такой. Думаю, теперь мы все можем забыть об этом досадном инциденте.

– Уверяю вас, джентльмены, – сказал Селдон, – что я не имею ни малейшего желания вспоминать о нем. Позвольте представить вам моего сына Рейча Селдона. Как видите, я тоже не один.

Рейч очень вырос. Теперь он ходил с усами – густыми, черными, как подобает истинному далийцу. Восемь лет назад, когда он познакомился с Селдоном, никаких усов у него, конечно, не было и в помине. Тогда он был беспризорником, голодным оборвышем. Он был невысок, но крепок, мускулист и ловок, глаза его дерзко сверкали, словно он старался за счет заносчивости прибавить пару-тройку дюймов к своему росту.

– Доброе утро, молодой человек, – поздоровался с Рейчем Джоранум.

– Доброе утро, сэр, – учтиво ответил Рейч.

– Прошу садиться, джентльмены, – пригласил гостей Селдон. – Могу я предложить вам чего-нибудь выпить или закусить?

Джоранум поднял руки вверх.

– Нет-нет, сэр. Мы же не в гости к вам явились. – Опустившись в кресло, он добавил: – Хотя очень надеюсь, что в будущем и в гости мы к вам не раз зайдем.

– Ну если речь о деле, то я весь внимание.

– До меня дошли слухи, профессор Селдон, о том маленьком происшествии, которое вы столь любезно согласились не вспоминать, вот я и удивился, почему вы решились на отчаянный поступок? Ведь это было рискованно, согласитесь.

– Представьте себе, я так не думал.

– А вот я думал. Потому и решил узнать о вас по возможности больше, профессор Селдон. Вы интересный человек. Вы с Геликона, если не ошибаюсь...

– Да, я там родился. Ваши сведения точны.

– А на Тренторе вы восемь лет.

– Это тоже ни для кого не секрет.

– А знаменитость вам принес самый первый доклад о том... как это вы называете, о психоистории, не так ли?

Селдон едва заметно покачал головой. Как часто он сожалел об этой неосторожности! Конечно, тогда ему и в голову не могло прийти, что это неосторожность. Он улыбнулся.

– Юношеский энтузиазм. Из этой затеи ничего не вышло.

– Так ли? – Джоранум оглядел кабинет с довольным изумлением. – И все-таки вы нынче декан математического факультета в одном из самых престижных университетов Трентора, а ведь вам всего сорок, если я не ошибаюсь. Мне, между прочим, сорок два, поэтому я не смотрю на вас с высоты возраста. Видимо, вы просто-таки выдающийся математик, коли сумели добиться такого высокого положения.

Селдон пожал плечами:

– Мне как-то в голову не приходило думать об этом.

– Либо вы выдающийся математик, либо у вас влиятельные друзья.

– Никто не отказался бы от протекции влиятельных друзей, мистер Джоранум, но тут, я думаю, вы ошибаетесь. У университетских профессоров такие друзья – редкость, да и вообще друзья, если на то пошло.

Он улыбнулся.

Улыбнулся и Джоранум.

– А как вам кажется, Император – влиятельный друг, профессор Селдон?

– Влиятельный, конечно, но какое это имеет отношение ко мне?

– А у меня такое впечатление, знаете ли, что Император – ваш друг.

– Уверен, в моем досье, мистер Джоранум, есть отметка о том, что я побывал на аудиенции у Его Императорского Величества восемь лет назад. Наша встреча длилась около часа, и тогда я не заметил с его стороны каких-либо признаков дружеского расположения. С тех пор я с ним ни разу не встречался и даже не видел его – ну, разве что по головидению.

– Но, профессор, вовсе не обязательно встречаться с Императором лично, для того чтобы он числился во влиятельных друзьях. Вполне достаточно встречаться с Эдо Демерзелем, премьер-министром Императора. Демерзель – ваш опекун, а раз так, можно с уверенностью сказать, что и Император тоже.

– Простите, вы эти сведения тоже из моего досье почерпнули – относительно того, что премьер-министр – мой опекун? Или отыскиали что-то другое, что позволило вам прийти к такому заключению?

– Зачем заглядывать в досье, когда и так прекрасно известно, что между вами существует связь? Вы это знаете, и я тоже это знаю. Так давайте примем это как данность и продолжим. И прошу вас, – он снова поднял руки в знак протеста, – только не надо искренних возражений, умоляю. Пустая трата времени, ничего больше.

– На самом деле, – сказал Селдон, – я как раз собирался спросить вас: почему вы так уверены в том, что ему вздумалось оказывать мне протекцию? С какой стати?

– Профессор! Ну зачем вы так? Хотите выставить меня наивным дурачком? Я имею в виду вашу психоисторию, ведь она так нужна Демерзелю.

– А я вам уже сказал, что все это – не более чем юношеские мечты, которые ни к чему не привели.

– Вы мне можете говорить что угодно, профессор, но я не собираюсь верить каждому вашему слову. Позвольте, я вам скажу откровенно. Я читал тот ваш доклад и попытался понять, о чем в нем речь. Мне помогли математики. У меня и математики в штате имеются, вы не думайте. Так вот, они сказали, что это дикая мечта и совершенно невозможно, чтобы она осуществилась.

– Я с вами полностью согласен, – кивнул Селдон.

– И все же у меня такое чувство, что Демерзель ждет, когда вы свою психоисторию разработаете и внедрите в практику. Ну а если он не ждет, я согласен ждать. И для вас, профессор Селдон, было бы намного лучше, если бы я подождал.

– Это почему же?

– Потому что Демерзель на своем посту долго не удержится. Общественное мнение все сильнее отворачивается от него. Очень может быть, что скоро, когда Император устанет от присутствия рядом с собой непопулярного премьер-министра, грозящего опрокинуть трон, на котором Император восседает, он быстренько подыщет замену. И очень может быть, что этой заменой окажется моя скромная персона. А вам все равно нужен будет опекун, кто-то, кто сможет обеспечить вам сносное существование и спокойные условия для работы.

– И этим опекуном станете вы?

– Конечно, и по той же самой причине, по которой эту роль исполняет Демерзель. Мне нужен практический метод применения психоистории, с помощью которого я мог бы более успешно править Империей.

Селдон понимающе кивнул; немного помолчав, он сказал:

– В таком случае, мистер Джоранум, что толку мне об этом задумываться? Я ведь всего-навсего скромный ученый, живущий тихой жизнью, занятый безвредной математической и педагогической деятельностью. Следовательно, я совершенно спокойно могу продолжать заниматься своими делами. Деритесь себе на здоровье с премьер-министром. Кто бы из вас ни победил, у меня все равно будет опекун – ну, *так* я вас, по крайней мере, понял.

Джоранум прищурился:

– Доктор Селдон, вы патриот?

– Ну конечно. Империя дала человечеству тысячелетия мира – во всяком случае, в основном мира – и обеспечила неуклонное развитие.

– Все точно. Но только прогресс несколько замедлился в последние пару столетий.

Селдон рассмеялся:

– Я таких подробностей не изучал.

– А вам и не нужно. Вы знаете, что в политическом смысле последнее столетие, да и предыдущее, было временем непрерывных заварушек. Царствование каждого из Императоров долго не длилось и порой еще более сокращалось за счет покушений...

– Даже разговор об этом, – прервал его Селдон, – равен измене. Лучше бы вам не...

– Послушайте, – сказал Джоранум, откинувшись на спинку кресла, – видите, как все шатко? Империя гибнет. И я готов говорить об этом открыто. И мои последователи также не боятся говорить об этом открыто, поскольку на все сто уверены в этом. Нам нужен некто, стоящий по правую руку от Императора, кто мог бы управлять Империей, подавлять бунтовские настроения, которые то и дело вспыхивают где угодно, привести вооруженные силы в состояние боеготовности, в котором им просто подобает находиться, возглавить экономику...

Селдон протестующе взмахнул рукой.

– И вы все это сумеете, так, что ли?

– Мне хотелось бы стать этим человеком. Дело будет нелегким, и сильно сомневаюсь, что выискалось бы много охотников им заняться, да это и понятно. Демерзель, безусловно, уже не тянет. При нем упадок Империи только ускоряется, и скоро дело дойдет до полного распада.

– А вы, стало быть, можете предотвратить упадок?

– Да, доктор Селдон. С вашей помощью. С помощью психоистории.

– Но, может быть, и Демерзель смог бы остановить упадок с помощью психоистории, если бы такая наука существовала?

Джоранум, не моргнув глазом, заявил:

– Она существует. И давайте не будем притворяться, что это не так. Однако ее существование Демерзелю не помогает. Психоистория – не более чем инструмент. Значит, нужен разум, чтобы понять ее, и умение, чтобы работать.

– И все это у вас, как я понимаю, имеется?

– Да. Я знаю, на что способен. Мне нужна психоистория. Я хотел бы ею пользоваться. Я хочу ее иметь.

Селдон покачал головой:

– Хотеть не запрещается. У меня ее нет.

– Нет, есть. И спорить я не намерен.

Джоранум наклонился вперед, словно хотел, чтобы Селдон лучше его расслышал.

– Вы утверждаете, что вы – патриот. Я обязан сместить Демерзеля и занять его место ради предотвращения распада Империи. Однако сам факт смены лидеров может отчаянно ослабить и без того шаткое положение. Вы ведь не хотите этого? Вот вы и подскажите мне, как нужно действовать, чтобы добиться желаемого деликатно, без вреда и шума, – ради жизни всех нас.

– Я не могу, – сказал Селдон. – Вы приписываете мне знания, которыми я не обладаю. Хотел бы помочь, но, увы, не имею возможности.

Джоранум резко встал:

– Хорошо. Теперь вам все известно. Вы знаете, что у меня на уме и чего я хочу от вас. Подумайте. А больше подумать прошу об Империи. Вам, может быть, кажется, что вы чем-то обязаны Демерзелю – этому отравителю всех населенных людьми миллионов планет, – ну, например, дружеским расположением. Будьте осмотрительны. То, чем вы занимаетесь, способно поколебать самые основы Империи. Я прошу вас о помощи во имя квадриллионов людей, населяющих Галактику. Повторяю, подумайте об Империи.

К концу тирады голос Джоранума перешел на могущественный полусшепот. Селдон почувствовал, что его пробирает дрожь.

– Я и не забываю об Империи, – ответил он.

– Вот и все, о чем я прошу вас сейчас, – сказал Джоранум. – Благодарю за то, что приняли и выслушали меня.

Селдон проводил взглядом Джоранума и его спутника и еще долго смотрел на бесшумно закрывшуюся дверь.

Он нахмурился. Что-то не давало ему покоя, но *что*, он сам пока понять не мог.

Глава 7

Намарти не спускал с Джоранума глаз. Оба сидели в надежно экранированном офисе в секторе Стрилинг. Пока тут было весьма скромно – позиции партии Джоранума в Стрилинге были еще слабоваты, но это ничего, скоро они тут обоснуются посolidнее.

Просто поразительно, как быстро пустило корни их движение. Всего лишь три года назад их деятельность была начата на пустом месте, а теперь вовсю давала ростки – где-то заметнее, где-то меньше – по всему Трентору. Внешние Миры пока что оставались практически недоступными. Демерзель упорно трудился, оберегая их покой, но в этом как раз и состояла его ошибка. Именно здесь, на Тренторе, бунты были особенно опасны. Где угодно их можно было взять под контроль, остановить. А здесь Демерзеля можно было одолеть. Странно, что он этого не понимал, однако Джоранум всегда придерживался мнения о том, что репутация Демерзеля раздута, что, если кому-нибудь взбрело бы в голову ковырнуть острым ножом, драгоценная раковина оказалась бы пустой и что Император не стал бы с ним долго церемониться, если бы его собственная жизнь была поставлена на карту.

Пока, по крайней мере, все прогнозы Джоранума сбывались. До сих пор у него не было ни единого промаха, не считая досадного провала в Стрилингском университете, случившегося с легкой руки этого Селдона.

Именно поэтому Джоранум и напросился к нему с визитом. В его деле мелочей не было. Любую занозу нужно было немедленно удалять. Джоранум наслаждался чувством непотопляемости, и Намарти вынужден был признать, что неразрывная цепь успехов являлась надежнейшим залогом того, что цепь эта и далее останется неразрывной. Людям свойственно принимать сторону победителя, пусть даже его мнение расходится с их собственным. Дилетантов и неудачников люди не жалуют.

Но вот была ли беседа с Селдоном звеном в цепи успехов или стала следующей занозой? Намарти был вовсе не в восторге от того, что Джоранум потащил его с собой извиняться, да и толку от этого, по его впечатлению, не вышло никакого.

Теперь Джоранум сидел, задумавшись и посасывая большой палец, словно пытался высосать оттуда что-то питательное.

– Джо-Джо, – негромко произнес Намарти. Он был одним из немногих, кому было позволено так обращаться к Джорануму в приватной обстановке, называя его этим уменьшительным именем, которое нараспев выкрикивали толпы народа. Джоранум мирился с этим на публике, но в личных беседах требовал к себе уважения от всех, исключения делались для немногих преданных друзей, с которыми его связывали долгие отношения. – Джо-Джо, – повторил Намарти.

Джоранум поднял взгляд.

– Да, Джей Ди, в чем дело? – отозвался он несколько раздраженно.

– Что мы будем делать с этим Селдоном, Джо-Джо?

– Делать? Пока ничего. Позднее, может быть, он присоединится к нам.

– Но зачем ждать? Можно надавить на него. Потянуть за кое-какие ниточки в университете, и ему небо с овчинку покажется.

– Нет-нет. Пока Демерзель нам не мешал идти своей дорогой. Тупица. Он слишком доверчив. Но меньше всего мне хотелось бы, чтобы он начал действовать, до того как мы будем полностью готовы. А непродуманный, грубый шаг в отношении Селдона может спровоцировать Демерзеля на ответные действия. Думаю, Демерзель возлагает на Селдона большие надежды.

– Из-за этой самой психоистории, что ли?

– Именно.

– А что это за штука? Я об этом не слыхал даже.

– Не ты один. Это математический подход к анализу человеческого общества, в результате которого становится возможным предсказание будущего.

Намарти нахмурился и невольно отодвинулся подальше от Джоранума. Что он, шутит, что ли? Хочет насмешить его? У Намарти с чувством юмора всегда было туго.

– Предсказание будущего? – переспросил он. – Это как?

– Ха! Если бы я знал как, зачем бы мне было нужно таскаться к Селдону?

– Честно говоря, не верится мне в это, Джо-Джо. Как можно предсказывать будущее? Как гадалки?

– Я тоже так думал, но, после того как Селдон испортил затеянный тобой митинг, я поинтересовался его карьерой. От и до. Восемь лет назад он явился на Трентор и прочел доклад о психоистории на математическом конгрессе. И все. Больше он к этому не возвращался. Полное молчание.

– Похоже, что в этом и нет ничего.

– О нет, как раз наоборот. Если бы не наступила сразу же после доклада тишина, если бы сообщения шли на убыль постепенно, если бы критики высмеяли его доктрину, вот тогда, согласен, ничего бы в этом не было. Но это внезапное молчание означает, что вся ситуация вокруг психоистории помещена в самый мощный морозильник. Очень может быть, именно поэтому Демерзель нас и пальцем не трогает. Очень может быть, что им руководят не дурацкая доверчивость и верхоглядство, а психоистория, с помощью которой предсказано нечто такое, чем Демерзель решил воспользоваться в нужный момент. Коли так, мы провалимся, если только не сумеем сами воспользоваться психоисторией.

– Но Селдон утверждает, что ее не существует.

– А ты бы не утверждал, будь ты на его месте?

– Все равно я считаю, что на него стоит надавить.

– Бесполезно, Джей Ди. Ты когда-нибудь слыхал рассказ о топоре Венна?

– Нет.

– Если бы ты был тоже с Нишайи, наверняка слыхал бы. У меня на родине это знаменитая сказка. Короче говоря, этот Венн был лесоруб, и у него был волшебный топор, которым можно было без труда свалить любое дерево. Сам понимаешь, вещь жутко ценная, но Венн не старался ни от кого прятать свой топор. И тем не менее никто и не пытался его украсть, поскольку никто, кроме самого Венна, не в силах был поднять топор, не говоря уже о том, чтобы размахнуться и ударить им по дереву.

Ну так вот, в настоящее время никто, кроме Селдона, не в силах управиться с психоисторией. Окажись он на нашей стороне только потому, что мы вынудили его к этому, мы никогда не сможем быть уверенными в его верности. Разве он не сумеет предпринять такие действия, что они покажутся нам полезными и нужными, но проделает это так хитро, что в конце концов мы сядем в лужу? Нет, на нашу сторону он должен перейти добровольно и работать на нас, потому что будет желание, чтобы мы победили.

– И как же мы этого добьемся?

– У Селдона есть сын. Рейч – вроде бы так он его называл. Ты его хорошо рассмотрел?

– Не очень.

– Ох, Джей Ди, Джей Ди, проиграешь, друг мой, если не будешь во все как следует вникать. В нашем деле надо глядеть в оба. Этот юноша меня слушал с горящими глазами. На него мои доводы явно произвели впечатление. Единственное, что я про себя знаю точно, так это то, какое впечатление произвожу на людей. Я всегда знаю наверняка, когда я человека потряс до глубины души, когда мой слушатель и зритель готов передумать.

Джоранум улыбнулся. Только теперь на лице его играла не формальная полу-улыбка-маска, которую он выносил на публику. На этот раз это была холодная и, пожалуй, даже страшная ухмылка.

– Подумаем, как нам быть с Рейчем, – сказал он, – и нельзя ли добраться до Селдона через него.

Глава 8

После того как двое политиканов ретировались, Рейч пригладил усы и взглянул на Селдона. Он испытывал ни с чем не сравнимое удовольствие, приглаживая усы. Здесь, в секторе Стрилинг, кое-кто из мужчин носил усы, но им было безнадежно далеко до Рейча. А большинство разгуливали с сиротливо оголенными верхними губами. Селдон тоже был безусый, а потому на Рейча производил впечатление внешне человека унылого, без изюминки. Да, собственно, при его цвете волос от усов проку было бы мало.

Рейч немного подождал, думая, что Селдон сам выйдет из раздумий, но в конце концов не выдержал.

– Па! – окликнул он профессора.

Селдон посмотрел на него и растерянно спросил:

– Что?

«Наверное, рассердился, что я побеспокоил его», – решил Рейч и сказал:

– Мне кажется, ты зря принял этих парней.

– О? Это почему же?

– Ну, этот-то, худющий, не помню, как его звать, это же тот самый, кого ты отделал тогда, на поле. Он наверняка это запомнил.

– Он же извинился.

– Он этого не хотел. А другой, Джоранум, этот вообще, по-моему, личность опасная. А если бы у них было оружие?

– Что? Здесь, в университете? В кабинете? Нет, невозможно. Тут тебе не Биллиботтон. Да и потом, даже если бы они попытались затеять потасовку, я бы с ними легко управился. С обоими.

– Не знаю, – покачал головой Рейч. – Ты...

– Молчи, неблагодарное чудовище, – прервал его Селдон, предостерегающе подняв указательный палец. – Сейчас ты начнешь говорить точно так же, как твоя матушка, а я от нее уже наслушался. Я не старею, по крайней мере, не слишком еще состарился. И потом, ты был рядом, а ты в драке мне не уступишь.

Рейч сморщил нос.

– От драки толку чуть. – Он, конечно, хотел сказать: «драться бесполезно». Время от времени, хотя прошло уже целых восемь лет, Рейч нет-нет да и сбивался на далийский акцент, безошибочно указывающий на его происхождение из низших слоев общества. Вдобавок он был невысокого роста, и это порой жутко раздражало его. Но главное, у него были усы, и никому не удавалось пока унизить его. – А что ты собираешься делать с этим Джоранумом?

– Пока ничего.

– Послушай, па. Я пару раз видел Джоранума по головизору. Я даже записал его речи. Про него же все болтают напропалую, вот я и решил посмотреть, что он скажет. И знаешь, что-то есть в его трепе. Мне он ничуть не нравится, я не верю ему, и все-таки что-то в нем есть этакое. Он хочет, чтобы у всех секторов были равные права и возможности, – в этом же нет ничего дурного, верно?

– Конечно, нет. Любой цивилизованный человек подписался бы под этим.

– Так почему же тогда у нас все не так? Император под этим подпишется? А Демерзель?

– Императору и премьер-министру приходится заботиться обо всей Империи. Они не могут все время думать только о Тренторе. А Джорануму легко разглагольствовать о равенстве. У него никакой ответственности ни за что нет. Занимай он правящий пост, он бы быстро убедился, что это колоссальный труд – править двадцатью пятью миллионами миров. Да и не только в этом делу. Он бы постоянно сталкивался с сопротивлением, которое бы оказывали

ему сами секторы. Каждому из них хочется побольше равенства для себя – но не столько же для других. Скажи, Рейч, тебе не кажется, что Джорануму надо бы дать возможность поуправлять, хотя бы для того, чтобы мы увидели, на что он способен?

– Не знаю, – пожал плечами Рейч. – Я просто думаю... Но я точно знаю, если бы он попробовал тебя хоть пальцем тронуть, я бы его придушил на месте.

– Следовательно, любовь ко мне для тебя стоит выше судьбы Империи?

– Еще бы. Ты – мой отец.

Селдон с любовью посмотрел на Рейча, но не прочел в его взгляде того, что позволило бы ему окончательно успокоиться. Каковы были на самом деле гипнотические чары Джоранума?

Глава 9

Гэри Селдон откинулся на спинку стула, которая слегка подалась назад. Полулежа, закинув руки за голову, он прикрыл глаза. Казалось, он дремлет.

Дорс Венабили сидела в противоположном конце комнаты около выключенного вьюера. Микрофильмы, просмотренные ею, уже были убраны в футляры. Сегодня она основательно покопалась в них, проверяя правильность своей точки зрения относительно Флоринского Инцидента, имевшего место на раннем этапе истории Трентора, и решила, что пора передохнуть. Интересно, о чем сейчас думает Гэри?

Наверное, о психоистории. Скорее всего у него уйдет весь остаток жизни на разработку подходов к этому полухаотичному методу, а закончить работу он так и не успеет и будет вынужден передать ее другим (в частности, Амарилу, если этот молодой человек к тому времени тоже не сломает голову на психоистории), и это разрывает его сердце.

Однако именно это давало ему силы для жизни. Он непременно проживет дольше, когда каждый его день с утра до ночи занят делом, и это радовало Дорс. Но она знала, что настанет день, когда потеряет его, и мысль эта пугала ее. Она и подумать не могла раньше, что будет так, – раньше, когда ее задача была проще простого – беречь его ради сохранения его знаний.

Когда же все это стало для нее личным делом? И могло ли быть теперь что-то более личное? Что такого было в этом человеке, что заставляло ее волноваться всякий раз, когда его не было рядом, – даже тогда, когда она была твердо уверена, что с ним все в порядке, и по идее, заложенные внутри ее рефлексы не призывали ее ни к каким действиям? Ведь ей было приказано всего-навсего заботиться о его безопасности. Откуда же взялось все остальное?

Давным-давно она поговорила об этом с Демерзелем – тогда, когда твердо убедились, что чувства не обманывают ее.

Он грустно посмотрел на нее и сказал:

– Простых ответов не жди, Дорс. Ты сама не так проста. Я в своей жизни тоже изредка встречаю людей, рядом с которыми мне было легче думать, приятнее существовать, проще проявлять ответные реакции. Я пытался оценить причину легкости моих реакций в их присутствии и трудности – в их отсутствие, чтобы понять, что я приобретаю или теряю. В конце концов стало ясно, что радость от их общества перевешивала печаль от их исчезновения. Так что уж лучше испытывать такие чувства, какие ты испытываешь сейчас, чем наоборот.

Дорс подумала: «Настанет день, и Гэри уйдет, и этот день с каждым часом все ближе, и думать об этом я не должна».

Именно затем, чтобы избавиться от этой навязчивой мысли, она окликнула мужа:

– Гэри, о чем ты думаешь?

– Что?

Селдон открыл глаза и посмотрел на Дорс.

– Скорее всего о психоистории. Наверное, зашел в очередной тупик?

– Да ну... Вовсе не об этом я думал. Знаешь, о чем? – спросил он, негромко рассмеявшись. – Ни за что не догадаешься. О волосах!

– О волосах? Вот это номер! О чьих же?

– В данный момент – о твоих, – сказал Селдон и с любовью посмотрел на жену.

– С ними что-нибудь не в порядке? Может, перекрасить их в другой цвет? Наверное, я должна была уже поседеть?

– Брось! Твоим волосам не нужна седина... Понимаешь, эта мысль заставила меня подумать о совершенно посторонних вещах. К примеру, о Нишайе.

– Нишайя? Это что?

– Видишь ли, Нишайя не была частью доимперского Тренторианского Королевства, потому я вовсе не удивлен, что ты о ней даже не слышала. Это планета, очень маленькая. Изолированная. Никому не нужная и не интересная. Да и я о ней в конце концов узнал только потому, что поинтересовался. Мало какому из двадцати пяти миллионов миров удавалось добиться такого головокружительного взлета известности, причем среди них вряд ли отыщется столь малозначительный мир, как Нишайя... А ведь это интересно, не правда ли, и весьма значительно.

Дорс отодвинула в сторону справочные материалы и спросила:

– Ты решил в очередной раз поупражняться в парадоксах? К чему этот разговор о значительности и незначительности?

– О, я вовсе не выдумываю никаких парадоксов, даже тогда, когда они у меня получаются. Понимаешь, Джоранум ведь с Нишайи.

– А, так ты думаешь о Джорануме?

– Да. Я просмотрел одно из его выступлений – по настоянию Рейча. Смысла в нем, прямо скажем, немного, но общее впечатление поистине гипнотическое. На Рейча он подействовал именно так.

– Думаю, так бы он подействовал на любого далийца, Гэри. Непрерывные призывы Джоранума к равенству секторов, естественно, найдут отклик в сердцах униженных термальщиков. Ты же помнишь Даль?

– Отлично помню и нисколько не виню мальчика. Мне просто не дает покоя то, что Джоранум родом с Нишайи.

Дорс пожала плечами:

– Ну, должен же он быть откуда-то родом, и, наоборот, Нишайя время от времени должна порождать выдающихся людей, выдающихся даже по тренторианским меркам.

– Все верно, но, как я тебе уже сказал, я поинтересовался Нишайей. Мне даже удалось выйти на гиперпространственную связь с одним второстепенным служащим, что стоило мне довольно значительной суммы, которую я при всем желании не могу представить для оплаты на факультет.

– Ну и узнал ты что-нибудь такое, что оправдало бы затраты?

– Похоже, узнал. Понимаешь, Джоранум то и дело вставляет в свои речи всяческие рассказы – легенды своей родной планеты. И это служит ему хорошую службу здесь, на Тренторе, поскольку он производит впечатление человека из народа, наполненного до краев доморощенной философией. Эти рассказы оживляют его речь, создается впечатление, что он – уроженец маленькой планеты, выросший на далекой одинокой ферме, расположенной в пасторальной, экологически чистой местности. Людям это нравится – особенно тренторианцам, которые скорее умрут, чем согласятся переселиться куда-нибудь в экологически чистую местность, но зато обожают мечтать о таком.

– Ну и что?

– А то, что тот человек с Нишайи, с которым я говорил, ни сном ни духом не ведает ни о каких таких сказках.

– Это не имеет значения, Гэри. Какая бы это ни была маленькая планета, это все равно планета. То, что у всех на устах в той местности, где родился Джоранум, может быть не ведомо никому в тех краях, откуда родом человек, с которым ты беседовал.

– Нет-нет. Народные предания, в том или другом варианте, как правило, гуляют по всей планете. И потом, понимаешь, я с трудом разбирал то, что мне говорил этот человек. Говорил он на стандартном галактическом, но с таким жутким акцентом, что понять было почти невозможно. Ради проверки я поговорил еще кое с кем с этой планеты – то же самое.

– И что?

– У Джоранума – ни малейшего акцента. У него приятный тренторианский выговор, совершенно безупречный. Получше моего, если на то пошло. Я, к примеру, грассирую «р» – так говорят на Геликоне. Он – нет. Судя по его досье, он прибыл на Трентор, когда ему было уже девятнадцать. На мой взгляд, совершенно невероятно провести первые девятнадцать лет жизни, говоря на варварском диалекте Нишайи, а потом оказаться на Тренторе и утратить все следы акцента. Как бы долго он ни жил здесь, все равно что-то должно было бы в его выговоре остаться такое... Ты на Рейча посмотри – он же то и дело сбивается на свои далийские штучки.

– И какой же вывод ты сделал?

– Вывод? Какой вывод? Сижу весь вечер и пытаюсь сделать вывод, прямо как какая-нибудь дедукционная машина. Вывод такой: Джоранум не с Нишайи. На самом деле, я думаю, он избрал Нишайю как вымышленную родину именно потому, что это такая отсталая, мало-значительная планета, что никому и в голову не придет там наводить о нем справки. Вероятно, он осуществил скрупулезнейшую компьютерную проверку в поисках такого мира, в отношении которого его наименее вероятно было бы уличить во лжи.

– Но это смешно, Гэри. Зачем ему придумывать себе ложную родину? Из-за этого ему пришлось бы страшно фальсифицировать все свое досье.

– Именно это он, по всей вероятности, и сделал. Полагаю, у него достаточно последователей в муниципальных службах, чтобы он без труда мог это проделать. Скорее всего, никому и в голову не пришло проверять его утверждения, а все его последователи – слишком убежденные фанатики, чтобы вообще заводить такие разговоры.

– И все-таки зачем?

– Затем, думаю, что Джоранум не хочет, чтобы люди знали, откуда он родом на самом деле.

– Но почему? Все планеты в Империи равны – и в отношении закона, и в отношении традиций.

– Не знаю. Не уверен. В реальной жизни чаще всего все обстоит не так идеально.

– Ну и откуда же он тогда? У тебя есть какая-то догадка?

– Да. Она возвращает нас к разговору о волосах.

– При чем тут волосы?

– Понимаешь, покуда я беседовал с Джоранумом, я все время чувствовал себя не в своей тарелке и никак не мог понять почему. Наконец я понял, что это из-за его волос. Что-то в них было такое – густота, блеск... какая-то неестественная красота – я такой раньше никогда не видел. И вдруг я понял. У него искусственные волосы, старательно выращенные на черепе, который, по идее, должен бы быть лысым.

– Должен бы? – прищурилась Дорс. Похоже было, она все поняла. – Ты хочешь сказать...

– Да, хочу. Он из архаичного, напичканного мифами тренторианского сектора Микоген. Вот именно это он и пытается скрыть.

Глава 10

Дорс Венабили холодно и трезво задумалась. Собственно, она только так и умела думать – холодно и трезво, в отличие от того, как вела себя во время эмоциональных вспышек.

Она закрыла глаза, чтобы лучше сосредоточиться. Прошло восемь лет с тех пор, как они с Гэри побывали в Микогене, да и пробыли там совсем недолго. Восторгаться там, прямо скажем, было нечем, разве только пища вызывала восхищение.

В сознании ее мало-помалу воскресала картина... Странное, пуританское, патриархальное сообщество... Там действительно удаляли всю растительность с тела, и делалось это исключительно для того, чтобы противопоставить себя всем остальным, для того, чтобы «понять, кто такие микогенцы»... Легенды, воспоминания (или выдумки) о тех временах, когда они правили Галактикой, когда жизнь их длилась долго, когда существовали роботы...

Дорс открыла глаза и спросила:

– Зачем, Гэри?

– Зачем что, дорогая?

– Зачем ему скрывать, что он из Микогена?

Она вовсе не думала, что Гэри помнит о Микогене больше ее, и помнить не мог, но у него был совсем другой ум – не лучше и не хуже, а просто другой. Ее ум был способен лишь на то, чтобы запоминать и делать очевидные заключения в форме математической дедукции. А ум Гэри порой делал самые неожиданные скачки. Селдон, правда, старался делать вид, будто бы интуиция – это из той области, которая свойственна исключительно его ассистенту, Юго Амарилу, но Дорс он не мог обмануть. Селдон пытался производить и другое впечатление – несколько странноватого математика, который взирает на мир, не переставая удивляться, но и в этом он тоже не мог обмануть Дорс.

– Так зачем же ему скрывать, что он из Микогена? – повторила Дорс свой вопрос.

Селдон сидел, глядя в одну точку. Когда он вот так сидел, Дорс чутьем понимала, что он пытается извлечь нечто ценное из принципов психоистории, что помогло бы прояснить конкретный вопрос.

Наконец Селдон ответил:

– Микоген – жестокое сообщество с уймой ограничений. Там всегда отыщется кто-то, кто взбунтуется против их диктата над делами и мыслями. Всегда отыщется кто-то, кто захочет раствориться в общей массе, кто возжелает попасть в более раскрепощенный мир за пределами такого сообщества. Это вполне понятно.

– И поэтому они принялись выращивать искусственные волосы?

– Не совсем так. Чаще всего Отступники – именно так микогенцы именуют предателей и, безусловно, презируют их – носят парики. Это гораздо проще, но намного хуже. Как мне сказали, настоящие Отступники выращивают искусственные волосы. Процесс этот непростой, и стоит такая операция немалых денег, но в результате получается почти неотличимо от настоящих волос. Слышать-то я об этом слышал, но напрямую никогда не сталкивался. Несколько лет подряд я потратил на изучение всех восьмисот секторов Трентора, пытаясь выработать основные принципы и математическую основу психоистории. Пока я мало чем могу похвастаться, увы, но я узнал-таки кое-что.

– Но все же зачем Отступникам скрывать, что они – из Микогена? Ведь их никто не преследует за это, насколько мне известно.

– Нет, не преследует. На самом деле нет такого отношения к микогенцам как к людям второго сорта. Все гораздо хуже. Их никто не принимает всерьез. Да, они умны – это признают все; они высокообразованны, честолюбивы, воспитанны, сущие мудрецы в том, что касается гурманства, поистине устрашающи в своей способности поддерживать процветание родного

сектора, и все-таки никто не принимает их всерьез. Их убеждения за пределами Микогена создают у людей впечатление глупости, просто невероятной, опереточной глупости. И такое отношение переносится даже на тех микогенцев, которые становятся Отступниками. Попытайся микогенец захватить власть в правительстве – да его же на смех поднимут. Когда тебя боятся – это ерунда. Когда тебя презирают – да нет, и с этим, пожалуй, жить можно. Но вот когда над тобой смеются – это невыносимо. Джоранум хочет стать премьер-министром, значит, у него должны быть волосы, мало того – он должен выставить себя уроженцем какого-то другого мира, причем желательно расположенного как можно дальше от Микогена.

– Но послушай, есть же люди лысые, то есть просто лысые?

– Есть, конечно, но все равно их не спутаешь с теми, кто подвергся полной депиляции по микогенскому закону. Во Внешних Мирах на это всем было бы наплевать. Но само слово «Микоген» для жителей Внешних Миров – пустой звук. Микогенцы так крепко держатся за свое насиженное место, что мало кто из них когда-либо отправлялся во Внешние Миры. А вот здесь, на Тренторе, все обстоит совсем по-другому. Да, люди тут могут быть лысыми, и все-таки при самой большой лысине у них наблюдаются какие-то остатки волос, и их наличие неопровержимо указывает, что перед вами – никакие не микогенцы. Либо такие люди выращивают искусственные волосы. Те немногие, кто лыс абсолютно и безнадежно, – ну, считай, что им здорово не повезло в жизни. Наверное, им приходится всюду предоставлять справку, что они не микогенцы.

Дорс, слегка нахмурившись, спросила:

– Что это нам дает?

– Пока не знаю.

– А ты мог бы доказать, что он – микогенец, и сделать это достоянием гласности?

– Не уверен, что это будет легко. Он наверняка старательно замел следы, и даже в том случае, если мне удастся...

– Ну?

Селдон пожал плечами:

– Мне бы не хотелось призывать к дискриминации. Социальная ситуация на Тренторе и без того напряженная, так что вовсе незачем выпускать из-под замка страсти, которые потом ни мне, ни кому-то другому станут не подвластны. Если мне и придется выложить этот микогенский козырь, то я выложу его последним.

– Значит, ты тоже желаешь минимализма.

– Естественно.

– И что же в таком случае ты собираешься делать?

– Я договорился о встрече с Демерзелем. Может быть, он знает, что делать.

Дорс взглянула на него.

– Гэри, не обманывай себя. Так дело не пойдет. Разве Демерзель обязан разгадывать за тебя все загадки?

– Нет, но, может быть, эту разгадает.

– А если нет?

– Значит, придется придумать что-нибудь другое.

– К примеру?

Гримаса боли и тоски искривила лицо Селдона.

– Дорс, я не знаю. Не думай, что я тоже способен разгадать любую загадку.

Глава 11

Эдо Демерзель на людях появлялся редко, и единственным, пожалуй, с кем он более или менее часто виделся, был Император. У Демерзеля была масса причин держаться подальше от посторонних взглядов, и одна из них – та, что с годами он почти не менялся внешне.

Гэри Селдон не видел его уже несколько лет, а лично не беседовал еще дольше.

Учитывая то, как прошла недавняя встреча Селдона с Ласкином Джоранумом, и он, и Демерзель понимали, что афишировать их свидание ни в коем случае нельзя. Визит Селдона к премьер-министру в Императорский Дворец не мог остаться незамеченным, поэтому из соображений безопасности они договорились встретиться в небольшом, но роскошно обставленном номере гостиницы, расположенной неподалеку от дворцовой территории.

Увидев Демерзеля, Селдон ощутил боль прошедших лет. Одно лишь то, что Демерзель выглядел точно так же, как всегда, усилило эту боль. Он был все так же высок и статен, с правильными, жесткими чертами лица; в его темных волосах мелькали светлые пряди, но не седины. Лицо его нельзя было назвать красивым, но оно было выразительно. Внешне он поразительно соответствовал идеалу императорского премьер-министра и был совсем не похож на тех, кто занимал этот пост до него. Селдон считал, что одно это давало ему некоторую власть над Императором, а следовательно, и над придворными... и даже над Империей.

Демерзель шагнул навстречу Селдону, радостно, по-доброму улыбаясь. Правду сказать, даже такая искренняя улыбка почти не меняла вечно печального, озабоченного выражения его лица.

– Гэри, – сказал он, – как я рад тебя видеть! А я уж было подумал, что ты передумаешь и не выберешься.

– А я был почти уверен, что передумаете вы, премьер-министр.

– Можно Эдо, если ты боишься называть меня моим настоящим именем.

– Не могу. Из меня его клещами не вытянешь. Ты же знаешь.

– Я вытяну. Произнеси его. Мне было бы так приятно услышать его из твоих уст.

Селдон растерялся. Он просто не мог поверить, что его губы сумеют сложиться для произнесения звуков, что голосовые связки сомкнутся.

– Дэниел... – проговорил он наконец.

– Р. Дэниел Оливо, – кивнул Демерзель. – Пообедаешь со мной, Гэри? Ведь если я буду обедать с тобой, мне не придется есть. Знаешь, это такое облегчение.

– С радостью, хотя подобное одностороннее потребление пищи не вяжется с моим идеалом совместной трапезы. Ну, может, хотя бы кусочек-другой?

– Только чтобы доставить тебе удовольствие.

– Но все равно, – покачал головой Селдон, – я просто не знаю, стоит ли нам проводить вместе долгое время.

– Стоит. Я получил на этот счет соответствующее распоряжение. Его Императорское Величество желает, чтобы мы с тобой встретились.

– Почему, Дэниел?

– Через два года состоится очередной математический конгресс. А ты вроде удивлен. Ты что, забыл?

– Да нет, не то чтобы забыл. Я просто об этом не думал.

– Разве ты не собираешься присутствовать? На предыдущем конгрессе ты был главной сенсацией.

– Угу. С психоисторией. Та еще сенсация.

– Ты привлек внимание Императора. Ни одному математику до тебя такое не удавалось.

– Привлек я сначала твое внимание, а вовсе не Императора. Потом мне пришлось удирать во все лопатки и оставаться в недосыгаемости для Императора до тех пор, пока я не сумел убедить тебя в том, что я вплотную подошел к началу психоисторических изысканий. Только потом ты позволил мне оставаться в спасительной неизвестности.

– Будучи главой математического факультета в престижнейшем учебном заведении? Сомнительная неизвестность.

– И все-таки это так, поскольку эта деятельность – прикрытие для того, чем я на самом деле занимаюсь.

– Ага, вот и обед подали. Давай пока поболтаем о чем-нибудь другом, просто как закадычные друзья. Как Дорс?

– Прекрасно. Настоящая жена. Готова меня таскать всюду на поводке, так трясется за мою безопасность.

– Это ее работа.

– Она мне так и говорит – и слишком часто. Дэниел, если серьезно, я никогда не сумею отблагодарить тебя за то, что ты нас познакомил.

– Спасибо, Гэри, но, если честно, я вовсе не предполагал, что вы обретете семейное счастье, особенно Дорс.

– Огромное спасибо тебе за этот подарок, даже если ты не ожидал такого оборота дел.

– Я рад, но подарок этот сомнительный, и ты это со временем поймешь, такой же сомнительный, как моя дружба.

Селдон не знал, что ответить, и, повинаясь жесту Демерзеля, принялся за еду.

Через некоторое время он приподнял вилку с кусочком рыбного филе и сказал:

– Не могу сказать точно, что это за зверь, но явно микогенского происхождения.

– Точно. Я знаю, как ты любишь тамошнюю кухню.

– Только она и оправдывает существование микогенцев. Но они для тебя что-то значат. Что-то особенное. Я не должен забывать об этом, прости.

– Не стоит. Теперь ничего особенного нет. Их предки давным-давно населяли планету под названием Аврора. Продолжительность жизни там равнялась тремстам годам и больше, и обитатели планеты были властелинами пятидесяти миров Галактики. Именно уроженец Авроры придумал и создал меня. Я не забыл об этом, я это помню даже, пожалуй, слишком хорошо – и не так извращенно, как микогенские потомки обитателей Авроры. Но тогда, давным-давно, я предал их и покинул. Я сделал свой выбор в пользу того, что считал лучше для человечества, и следовал по этому пути все время, стараясь как можно лучше исполнять свой долг.

– Нас не могут подслушать? – спросил вдруг Селдон взволнованно.

Демерзель улыбнулся.

– Если тебе такое пришло в голову только сейчас, то уже слишком поздно. Но не беспокойся, я предпринял необходимые меры предосторожности. Тебя видели считанные единицы. И когда будешь уходить, мало кто увидит. Да и те, кто увидит, не будут несколько удивлены. Я имею печальную репутацию математика-любителя с грандиозными замашками, но с весьма скромными способностями. Это удивительно забавляет тех придворных, кто не является моими друзьями, и поэтому здесь никто не удивится, что я проявляю интерес к подготовке приближающегося математического конгресса. Я ведь с тобой как раз о конгрессе хотел поговорить.

– Вот уж не знаю, какой от меня в этом смысле толк. Я мог бы говорить на конгрессе об одном-единственном предмете, но говорить о нем не могу. Если и приму участие, то самое пассивное, как зритель и слушатель. Я не собираюсь представлять никакого доклада.

– Понимаю. И все-таки, если тебе любопытно, имей в виду, что Его Императорское Величество про тебя не забыл.

– Наверное, потому, что ты держишь меня у него в уме.

– Нет. Этим я не занимался. Видишь ли, Его Императорское Величество порой меня просто потрясает. Он в курсе того, что приближается очередной конгресс, и, видимо, не забыл твоего выступления на предыдущем. Его по-прежнему интересуют психоистория и последствия ее применения. Я обязан тебя предупредить. Весьма вероятно, что он возжелает с тобой встретиться. Придворные, безусловно, сочтут, что это великая честь – дважды в жизни получить приглашение во дворец.

– Ты шутишь? Что толку от моей встречи с ним?

– Не знаю, но, если тебя пригласят, отказаться ты будешь не вправе. Ну а как твои юные протеже, Юго и Рейч?

– Полагаю, тебе все о них известно. Уверен, ты с меня глаз не спускаешь.

– Точно. Я не спускаю глаз с твоей безопасности, но не слежу за каждым твоим шагом. Видишь ли, у меня дел по горло, и я не всевидящ.

– А Дорс разве тебе не все докладывает?

– Доложила бы, если бы положение дел стало критическим. Только так, а не иначе. Ей вовсе не улыбается роль домашней шпионки.

Демерзель снова едва заметно улыбнулся.

Селдон откашлялся.

– Мальчики в порядке. С Юго жутко трудно ладить. Он, надо тебе сказать, больше психоисторик, чем я, и у него, по всей вероятности, такое впечатление, что я не даю ему дороги. Что же до Рейча, то он очаровательный озорник – такой, какой и был. Он запал мне в душу еще тогда, когда слонялся беспризорником по биллиботтонским трущобам, но что самое невероятное – так это то, что Дорс он тоже ухитрился покорить. Я совершенно честно тебе скажу, Дэниел: если я надоем Дорс и она захочет уйти, она все равно не перестанет любить Рейча. – Демерзель кивнул, а Селдон задумчиво продолжал: – А ведь если бы этот сорванец не овладел в свое время сердцем Рейчел из Сэтчема, меня бы теперь тут не было. Пристрелили бы меня как миленького. Знаешь, Дэниел, – добавил он, нервно поерзав на стуле, – я терпеть не могу об этом вспоминать. Ведь это действительно был случай непредсказуемый, невероятный. В чем же мне тут помогла психоистория?

– А разве не ты говорил мне о том, что в лучшем случае психоистория способна оперировать только вероятностями и большими числами и не имеет никакого отношения к конкретным, отдельным людям?

– Но если этот конкретный человек оказывается исключительно важным...

– Думаю, ты понимаешь, что ни один человек в отдельности не может быть исключительно важным. Ни я, ни ты.

– Может быть, ты и прав. Но понимаешь, какая штука... Сколько бы я ни работал в рамках подобных допущений, тем не менее я никак не могу избавиться от мыслей о собственной значимости. Какой-то суперэгоизм, превосходящий все пределы разумного... Но и ты исключительно важная персона, и именно поэтому я так хотел тебя увидеть и поговорить с тобой – насколько возможно откровенно. Я должен знать.

– Что знать?

Со стола уже прибрали, и свет в комнате стал более приглушенным, обстановка казалась более непринужденной, располагающей к интимной беседе.

– Джоранум, – сказал Селдон без лишних слов.

– Ах да!

– Ты знаешь о нем?

– Конечно. Еще бы мне не знать.

– Ну так вот. Я тоже хочу узнать о нем.

– Что именно?

- Слушай, Дэниел, не притворяйся. Он опасен?
- Конечно, он опасен. А что, есть на этот счет какие-то сомнения?
- Для тебя, я хочу сказать. Для твоего положения в ранге премьер-министра.
- Я об этом и говорю. Именно в этом смысле он и опасен.
- И ты миришься с этим?

Демерзель, облокотившись, склонился к столу.

– Существуют такие вещи, которые происходят независимо от того, мирюсь я с ними или нет, Гэри. Давай будем смотреть на все философски. Его Императорское Величество Клеон Первый восседает на троне уже восемнадцать лет, и все это время я служу государственным секретарем и премьер-министром, даже при его отце служил, правда, не так рьяно, как при Клеоне. Срок немалый, и вряд ли кому из премьер-министров удавалось так долго оставаться на своем посту.

– Ты не совсем обычный премьер-министр, Дэниел, и ты это прекрасно знаешь. Ты обязан оставаться у власти, покуда не будет разработана психоистория. Не улыбайся, не надо. Это правда. Когда мы познакомились с тобой восемь лет назад, ты сказал мне, что Империя находится в состоянии разрухи и упадка. Теперь ты думаешь иначе?

– Вовсе нет.

– На самом деле упадок сейчас стал еще более заметен, верно?

– Да, хотя я упорно тружусь над его предотвращением.

– А не будь тебя, это случилось бы? Джоранум поднимает против тебя всю Империю.

– Не Империю, Гэри, только Трентор. Во Внешних Мирах пока все спокойно, несмотря на упадок в экономике и снижение объема торговли.

– Но Трентор – самое главное. Трентор – столичная планета, где мы живем, сердце Империи, административный центр, и именно Трентор способен сбросить тебя. Ты не сможешь удержаться на своем посту, если Трентор скажет тебе «нет».

– Согласен.

– А если ты уйдешь, кто же тогда позаботится о спокойствии Внешних Миров, предотвратит упадок и скорое скольжение Империи по наклонной плоскости вниз, к анархии?

– Но это всего-навсего вероятность.

– Значит, тебе нужно что-то делать. Юго уверен в том, что тебе грозит смертельная опасность, что ты не сможешь удержаться на своем посту. Ему это подсказывает интуиция. Дорс говорит о том же и все объясняет тремя или четырьмя законами...

– Роботехники, – подсказал Демерзель.

– А юный Рейч, похоже, увлечен доктринами Джоранума – он же далиец, сам понимаешь. А я... я в растерянности, потому и решил посоветоваться с тобой. Думал, ты меня как-то успокоишь. Уверь меня в том, что ты держишь ситуацию в руках.

– Уверил бы, если бы был уверен. Но я тоже неспокоен. Я действительно в опасности.

– И при этом ничего не делаешь?

– Нет. Я многое делаю для того, чтобы сдерживать недовольство и отражать удары Джоранума. Если бы я этого не делал, я бы уже не работал. Но моей деятельности недостаточно.

Селдон растерялся. Немного помолчав, он сказал:

– Знаешь, я думаю, что Джоранум на самом деле микогенец.

– Это действительно так?

– Это всего лишь мое мнение. Я подумывал, нельзя ли воспользоваться этим фактом против него, но мне не хотелось бы прибегать к дискриминации.

– И правильно делаешь, что сомневаешься. Есть масса возможных вариантов действий, которые повлекут за собой совершенно нежелательные эффекты. Видишь ли, Гэри, я ведь не боюсь оставить свой пост, если будет найден подходящий последователь, который станет в своей деятельности придерживаться тех же принципов предотвращения упадка, к которым

в своей работе прибежал я. Но, с другой стороны, если мое место займет Джоранум, боюсь, это будет просто-таки фатальный случай.

– Тогда все, что бы ни предприняли, чтобы остановить его, годится.

– Не совсем так. Империя может скатиться в анархию даже при том условии, если мы одолеем Джоранума и я останусь на своем посту. Следовательно, я не должен предпринимать ничего такого, что позволило бы одолеть Джоранума, а мне – остаться на своем посту, если само это деяние ускорит гибель Империи. Пока я не сумел придумать ничего такого, что позволило бы одновременно избавиться от Джоранума и избежать анархии.

– Минимализм... – прошептал Селдон.

– Прости, не расслышал.

– Дорс объяснила мне, что ты связан рамками минимализма.

– Так оно и есть.

– Значит, я зря пришел к тебе, Дэниел.

– Ты хочешь сказать, что искал успокоения, но не нашел его?

– Похоже, что так.

– Но ведь и я шел на встречу с тобой, потому что тоже искал успокоения.

– У меня?

– У психоистории, которая обеспечила бы такой путь к безопасности, которого я отыскать не могу.

Селдон тяжело вздохнул:

– Дэниел, психоистория пока не разработана до такой степени.

Премьер-министр укоризненно посмотрел на математика.

– Гэри, у тебя было целых восемь лет.

– Восемь, восемьдесят ли, какая разница? Это грандиозная проблема.

– Я вовсе не жду, что методика будет доведена до совершенства, но, может, у тебя появилась хотя бы какая-то схема, осто́в, что ли, некий принцип, которым можно было бы руководствоваться? Пускай несовершенный, но все-таки лучше, чем гадание на кофейной гуще.

– Нет. То, чем я сейчас располагаю, ничуть не больше, чем у меня было восемь лет назад. Так что выводы будут такие: ты должен оставаться у власти, а Джоранума надо одолеть таким способом, чтобы как можно дольше сохранить стабильность в Империи. Следовательно, это мой единственный шанс продолжать трудиться над разработкой психоистории. Но этого нельзя добиться, пока я не разработаю психоисторию. Верно?

– Похоже, что так.

– Значит, мы зашли в порочный круг и Империя погибнет.

– Если только не случится ничего непредвиденного. Если только ты не сделаешь так, чтобы нечто непредвиденное случилось.

– Я? Дэниел, как я могу этого добиться без психоистории?

– Не знаю, Гэри.

Селдон поднялся, чтобы уйти... в полном отчаянии.

Глава 12

Четыре дня спустя Гэри Селдон пренебрег своими обязанностями главы факультета и использовал служебный компьютер для личных целей – настроил его на прием новостей.

Компьютеров, способных осуществлять ежедневный сбор новостей из двадцати пяти миллионов миров, были считанные единицы. Несколько таких компьютеров было установлено в Императорском Дворце – там они были просто необходимы. Стояли такие и в столицах других Внешних Миров, хотя в большинстве из них довольствовались гиперсвязью с главной службой новостей на Тренторе.

Компьютер, стоявший на математическом факультете такого крупного университета, как Стрилингский, можно было при желании превратить в источник информации, и Селдон добился того, что его компьютер позволял делать это. В конце концов, это было необходимо для его работы над психоисторией, хотя возможности компьютера были старательно завуалированы.

В идеале компьютер должен был сообщать все экстраординарное, что происходило в любом из миров, входивших в состав Империи. Закодированный, едва заметный сигнал обозначал, что известие, относящееся к разряду экстраординарных, поступило, и тогда Селдон обращал на него внимание. Надо сказать, случалось такое крайне редко, поскольку рамки «экстраординарности» были установлены очень жестко, и под это определение попадали исключительно события глобального масштаба или нечто сверхинтересное.

Если бы этого компьютера не было, пришлось бы связываться время от времени с различными планетами на выбор – не всеми двадцатью пятью миллионами, конечно, а с несколькими десятками из них. Задача эта была нудная и утомительная, поскольку мало в каком из миров ежедневно не происходило какой-нибудь своей маленькой катастрофы. Там – извержение вулкана, там – наводнение, там – экономический кризис, ну и, конечно, бунты. За последнюю тысячу лет не было дня, чтобы хотя бы на одной из сотни планет не вспыхивало народное волнение.

Естественно, обращать особое внимание на подобные случаи нужды не было. Волноваться относительно бунтов стоило ничуть не больше, чем относительно вулканических извержений. И то и другое постоянно происходило в обитаемых мирах. Вот если выдавался денек, когда не происходило ни единого восстания, как раз тогда следовало бы расценивать, что происходит нечто необычное, заслуживающее самого пристального внимания и беспокойства.

А именно беспокойства-то у Селдона и не возникало. Внешние Миры, при всех их беспорядках и бедствиях, казались тихой, спокойной поверхностью громадного океана, на которой почти всегда царил штиль. Ну пробежит волна повыше – и снова все успокоится. Никаких признаков глобальной кризисной ситуации, которые предвещали бы неминуемый упадок, за последние восемь лет Селдону обнаружить не удавалось, да и за восемьдесят тоже. И все же Демерзель (без него Селдон даже мысленно не мог называть его Дэниелом) говорит, что процесс упадка продолжается и ему приходится постоянно держать руку на пульсе Империи, действуя способами, Селдону недоступными, покуда в его распоряжении не окажется направляющая сила психоистории.

Может быть, упадок происходит так незаметно, что не станет очевиден до тех пор, пока не достигнет некой критической точки, как, к примеру, твой дом, что стоит себе и стоит, потихоньку ветшая, но так незаметно, что поймешь это только тогда, когда в одну прекрасную ночь тебе на голову рухнет крыша.

И когда же она должна рухнуть, эта крыша? Вопрос на засыпку, и ответа на него у Селдона не было.

Время от времени Селдон проверял и оценивал ситуацию на Тренторе. Тут новости во все времена имели особый характер. Во-первых, Трентор был самым населенным миром из всех – здесь жили сорок миллиардов человек. Во-вторых, восемьсот секторов, на которые делился Трентор, представляли собой нечто вроде своеобразной мини-Империи. В-третьих, здесь существовала разветвленная сеть государственных учреждений с невероятно запутанной иерархической структурой, проследить за которой было крайне трудно, уделяя при этом внимание и поведению царствующей фамилии.

На этот раз Селдона поразило сообщение о результатах выборов в секторе Даль. Там к власти пришли последователи Джоранума. Судя по комментарию, это был первый случай, когда джоранумиты завладели властью над целым сектором.

На самом деле – ничего удивительного. Даль стал главным оплотом джоранумитов, однако Селдона неприятно поразил факт столь очевидного успеха демагога. Он заказал копию видеоматериала и, получив, забрал домой.

Когда Селдон вошел, Рейч оторвался от экрана своего компьютера и, судя по всему, решил, что нужно объяснить отцу, чем это таким он занимается.

– Помогаю маме, – сообщил он. – Собираю для нее кое-какие справки.

– А как насчет твоей собственной работы?

– Сделано, па. Все сделано.

– Отлично. А теперь погляди-ка сюда, – сказал Селдон и показал пленку, собираясь затем вставить ее в микропроектор.

Рейч, прищурившись, просмотрел пленку и сказал:

– Уже знаю.

– Вот как?

– Конечно. Я с Даля глаз не спускаю. Родина как-никак.

– Ну и что ты об этом думаешь?

– Я не удивлен. А ты? Весь Трентор считает Даль комком грязи. Почему бы тем, кто там живет, не разделять убеждения Джоранума?

– Ты их тоже разделяешь?

– Ну... – Рейч задумался. – Вынужден признаться, кое-что из того, о чем он говорит, задает меня. Например, что он хочет равенства для всех. Что тут плохого?

– Ничего. Если он не лжет. Если не разглагольствует об этом исключительно ради того, чтобы набрать побольше голосов.

– Все верно, па, но только большинство далийцев скорее всего думают так: «Что нам терять? У нас и сейчас равенства нет, хотя законы утверждают, что оно у нас есть».

– Законы и писать, и контролировать непросто.

– Знаешь, от этой мысли не станет холодно, когда будешь помирать от жары.

Селдон нахмурился. Как только он прочел сообщение об итогах выборов, в голову ему пришла одна идея.

– Послушай, Рейч, – сказал он, – ты ведь не был в Дале с тех самых пор, как мы с мамой увезли тебя оттуда, верно?

– Почему не был? Мы же все вместе ездили туда пять лет назад.

– Да-да, – замахал руками Селдон. – Но это не то. Мы останавливались в гостинице, которая, насколько я помню, даже и далийской не была, и потом, насколько я помню, Дорс не отпускала тебя одного на улицу. Ведь тебе тогда было всего пятнадцать. А не хочешь ли ты съездить в Даль теперь? Один, самостоятельно – теперь, когда тебе уже двадцать?

Рейч прищелкнул языком:

– Мама ни за что не отпустит.

– Я же не говорю, что меня жутко радует мысль о том, как я буду с ней об этом разговаривать, но, честно говоря, я не собираюсь спрашивать у нее разрешения. Вопрос стоит таким образом: согласен ли ты сделать это для меня?

– Из любопытства? Почему бы и нет? Я не прочь поглядеть, что и как там теперь.

– От учебы сумеешь оторваться?

– Конечно. Ведь я еще ни разу не пропускал занятий. И потом, ты же можешь записать лекции, и я наверстаю пропущенное, когда вернусь. Меня отпустят. Ну а если что, так у меня же старик – важная шишка в университете. Ой, па, ты не обиделся?

– Пока нет. Только учти, я тебя не на увеселительную прогулку посылаю.

– Ясное дело. Сомневаюсь, чтобы ты представлял себе, что такое увеселительная прогулка, па. Странно даже от тебя это слышать.

– Ну ладно, пошутили – и будет. Когда ты попадешь в Даль, я хочу, чтобы ты встретился там с Ласкином Джоранумом.

Рейч удивился не на шутку:

– Это как? Как я его найду?

– Он собирается в Даль. Его пригласили выступить в Совете сектора вместе с новыми членами правительства сектора, его последователями. Мы выясним точно, в какой день он будет выступать, и ты отправишься в Даль на несколько дней раньше.

– Но как я сумею повидаться с ним, па? Думаю, он не устраивает приемов.

– Я тоже так думаю, но тут уж тебе карты в руки. Тебе было двенадцать, а ты уже тогда знал, как это делается. Надеюсь, за последние годы ты не утратил этого замечательного качества.

Рейч улыбнулся:

– Я тоже надеюсь. Ну, допустим, я к нему попаду. И что?

– Нужно будет выяснить все возможное. Что он собирается делать? Что у него на уме?

– Ты что, серьезно думаешь, что он мне все это выложит?

– Не удивлюсь, если все так и получится. Ты умеешь внушать доверие, паршивец, умеешь. Давай все обсудим.

И они обсудили. И не раз.

Мысли у Селдона были невеселые. Он вовсе не был уверен, что что-то получится из его затеи, но решил не посвящать в нее ни Юго Амариля, ни Демерзеля, ни (самое главное) Дорс. Они помешали бы. Они бы принялись доказывать, что идея дурацкая, а он не хотел, чтобы кто-нибудь ему это доказывал. То, что он задумал, казалось ему единственным путем к спасению, и он не желал, чтобы кто-то вставал ему поперек дороги.

Но был ли возможен этот путь? Вот в чем вопрос. Рейч был единственным, на взгляд Селдона, кто мог бы втереться в доверие к Джорануму, но соответствовал ли Рейч этой роли? Рейч – далиец, и у Джоранума он мог вызвать симпатию. Однако насколько ему можно доверять?

Какой ужас! Рейч был его сыном, и до сих пор Селдону и в голову не приходило усомниться в том, насколько ему можно доверять!

Глава 13

Да, Селдон сомневался во многом – в том, насколько верно все задумал, в том, не вызовет ли задуманное преждевременного взрыва в ходе событий, в том, можно ли быть до конца уверенным, что Рейч справится с порученным делом, но насчет одного у него никаких сомнений не было: насчет поведения Дорс, когда он расскажет ей о своих планах.

И она не разочаровала его, если можно так выразиться.

Нет, в каком-то смысле все-таки *разочаровала*, потому что она не стала кричать от ужаса – он ведь ожидал чего-нибудь именно в таком роде.

На самом деле зря ожидал. Она была совсем не такая, как обычные женщины, и по-настоящему злой он ее никогда не видел. Очень может быть, она и не умела по-настоящему злиться – *по-настоящему*, с точки зрения Селдона.

Нет, она просто посмотрела на него ледяными глазами и с горечью в голосе проговорила:

– Ты послал его в Даль? Одного?

Тихо так проговорила, вопросительно.

Из-за этого ее спокойствия Селдон поначалу опешил. Но взял себя в руки и твердо, решительно ответил:

– Я должен был это сделать. Это необходимо.

– погоди, я хочу понять. Ты послал его в это логово воров, трущобы, кишасшие убийцами, в эту клоаку преступности?

– Дорс! Не говори так со мной. Это выводит из себя! Такими словами говорят разве что мещане.

– Ты что, отрицаешь, что Даль именно таков?

– Конечно, отрицаю. Да, в Дале есть преступники и трущобы. Я это отлично знаю. Мы оба это отлично знаем. Но не весь Даль таков. Преступники и трущобы есть в каждом секторе, даже в Имперском, и в Стрилинге.

– Но существует такое понятие, как уровень преступности, если не ошибаюсь? Один не равен десяти. Даже если все секторы, все планеты погрязли в преступности, Даль все равно один из самых страшных или нет? У тебя есть компьютер? Посмотри статистику.

– Не стоит. Даль – беднейший из секторов Трентора, а между нищетой, отчаянием и преступностью существует положительная связь. Тут я с тобой согласен.

– Ты со мной согласен! И ты отпустил его одного? Ты мог поехать с ним, мог попросить меня поехать с ним, отправить с ним, если на то пошло, десяток его сокурсников. Они бы с радостью сорвались с занятий, уверена.

– То, ради чего я его послал туда, требует, чтобы он был один.

– А ради чего ты его послал туда?

Селдон молчал, как в рот воды набрал.

– Вот, оказывается, до чего дошло? – нахмурилась Дорс. – Ты мне не доверяешь?

– Это опасно. Рисковать я намерен один. Я не могу подвергать опасности ни тебя, ни кого-либо другого.

– Ты не рискуешь! Рискует бедняга Рейч.

– Вовсе он не рискует, – мотнул головой Селдон. – Ему двадцать. Молодой, быстрый, крепкий, как дерево, и не такое, какие выращивают тут, на Тренторе, в тепличных условиях, а такое, какие растут в геликонских лесах. И потом, он силен в рукопашной схватке, а далийцы в этом ничего не смыслят.

– Уж мне эти твои рукопашные схватки! – огрызнулась Дорс. – Ты считаешь, что в этом решение всех проблем. Далийцы ходят с ножами. Все до одного. И с бластерами наверняка тоже.

– Насчет бластеров не знаю. Закон крайне суров, когда дело доходит до бластеров. Что касается ножей, я уверен, у Рейча нож при себе. Он даже здесь, в кампусе, с ножом не расстанется, а ведь это противозаконно. Неужели ты думаешь, он в Даль без ножа отправился?

Дорс промолчала.

Селдон тоже молчал несколько минут, затем решил, что все-таки нужно ввести жену в курс дела.

– Послушай, – сказал он, – я тебе могу сказать одно: я надеюсь, что он встретится с Джоранумом, который намеревается посетить Даль.

– О! И чего ты ждешь от Рейча? Что мальчик убедит Джоранума, что тот был в корне не прав, и сердце того наполнится искренним раскаянием о содеянном, и он уберется обратно в Микоген?

– Хватит. Если ты собираешься и дальше беседовать в таком духе, не имеет смысла продолжать разговор.

Селдон отвернулся от нее и взглянул в окно, за которым виднелось серо-голубое «небо».

– Жду от него другого, – сказал он. – Жду, что он спасет Империю.

– О да. Это будет намного легче, – фыркнула Дорс.

– Я этого жду, – сердито буркнул Селдон. – У меня нет разрешения. У тебя тоже нет. Нет и у Демерзеля. Он так и сказал, что решение за мной. К этому я и стремлюсь, и поэтому мне нужно было, чтобы Рейч поехал в Даль. Дорс, ну ты же прекрасно знаешь, как он умеет очаровывать людей. С нами у него это вышло, так что можно надеяться, выйдет и с Джоранумом. Если я прав, все будет хорошо.

Дорс широко раскрыла глаза:

– И ты еще станешь утверждать, что ты опираешься на психоисторию?

– Нет. Не стану. Я не собираюсь тебя обманывать. Пока я еще не достиг таких результатов, чтобы мог руководствоваться психоисторией. Но Юго постоянно говорит об интуиции, а у меня она тоже есть.

– Интуиция? Что это такое? Дай определение!

– С легкостью. Интуиция – это свойственное человеческому разуму умение находить верный ответ в ситуации, когда у него недостает точной информации, а та, что есть, порой противоречива.

– И ты положился на это умение.

– Да, – решительно кивнул Селдон. – Положился.

Но про себя он подумал о том, чего не мог сказать Дорс: «Что, если Рейч утратил свое природное обаяние? Что, если – того хуже – в нем укрепилось сознание того, что он – далиец?»

Глава 14

Биллиботтон остался Биллиботтоном: грязным, вонючим, мерзким Биллиботтоном, гниющим и тем не менее полным жизни. Такого места нигде больше на Тренторе не найти, так думал Рейч. Может, где-то еще в Империи и сыскалось бы подобное местечко, однако Рейч о таких не слышал.

Он не бывал здесь с тех самых пор, как Дорс и Селдон увезли его, то есть с двенадцати лет, но ему казалось, что тут все по-прежнему, даже люди те же самые: адская смесь цепных псов и мелких шавок, излучающих воспаленную гордость и злобный протест. Мужчины по-прежнему носили густейшие черные усы, а женщины ходили в мешковатых платьях, которые, на теперешний цивилизованный взгляд Рейча, казались еще более уродливыми.

И как только так одетым женщинам удавалось привлечь к себе внимание мужчин? На самом деле вопрос дурацкий. Ему было всего двенадцать, а он уже тогда знал, как легко и просто эти платья снимаются.

И вот он здесь, на родине. Погрузившись в воспоминания, он шел по Торговой улице, смотрел на витрины и пытался убедить себя в том, что отлично помнит каждое место, глядел на встречаемых и пытался угадать, нет ли среди них тех, с кем он был знаком восемь лет назад, – дружков детства. Увы, он помнил только клички, которыми они награждали друг друга. Настоящего имени ни одного из своих приятелей, хоть убей, он вспомнить не мог.

И в самом деле, он очень многое успел забыть. Не потому, что восемь лет – такой уж большой срок, а потому, что для двадцатилетнего это две пятых жизни, наполненных бесконечными событиями, а его жизнь после отъезда из Биллиботтона так сильно изменилась, что прошедшее ему виделось как в тумане.

Но главное – запахи. Запахи тут были те же самые. Он остановился у кондитерской, приземистой и неряшливой на вид, и уловил запах кокосового мороженого – такого запаха он давно не ощущал. Даже тогда, когда он покупал трубочки с кокосовым мороженым, даже тогда, когда вывеска гласила, что они приготовлены «по-далийски», это все были бледные призраки – не более того.

Рейч почувствовал сильнейшее искушение. Зайти? А почему бы и нет? Кредиток у него хватало. Дорс рядом не было, а то бы она непременно поморщилась и сказала что-нибудь насчет того, что там грязно. Но тогда, в старые добрые времена, кому какое дело было до чистоты!

Освещение внутри магазина было такое тусклое, что глаза Рейча долго привыкали к сумраку. Несколько низких столиков, около них – малопрезентабельные стулья. По всей вероятности, тут можно быстро перекусить – «выпить кофе с пирожными» на здешний манер. За одним из столиков сидел молодой мужчина, перед ним стояла пустая чашка. На парне была некогда белая футболка. Будь освещение поярче, пожалуй, она показалась бы еще грязнее.

Кондитер, или, по крайней мере, хозяин заведения вышел из комнаты за стойкой и довольно невежливо поинтересовался:

– Че надо?

– Кокоженое, – ответил Рейч, не добавив «пожалуйста». Какой же он был бы биллиботтонец, если бы начал распинаться в вежливых словечках? И название вспомнил, не забыл.

А название это, судя по всему, все еще было в ходу, поскольку кондитер тут же вручил ему трубочку с мороженым без лишних слов. Причем подал мороженое руками. Рейчу-мальчишке и в голову не пришло бы задуматься, но теперешний Рейч ощутил прилив брезгливости.

– Пакет дать?

– Не надо, – сказал Рейч. – Я тут съем.

Он расплатился с кондитером, взял мороженое и откусил большущий кусок, наслаждаясь знакомым вкусом. В детстве для него такое мороженое было редкой и почти недоступной роскошью. Он покупал его тогда, когда удавалось наскрести нужную сумму. Время от времени ему давал откусить кусочек кто-нибудь из внезапно разбогатевших дружков, но чаще всего он воровал мороженое, пользуясь удобным случаем. Теперь он мог купить сколько угодно порций...

– Эй! – послышался чей-то голос у Рейча за спиной.

Рейч с трудом вернулся к реальности. Его, оказывается, окликнул парень, что сидел за столом.

– Это ты мне, парень? – негромко уточнил Рейч.

– Ага. Че это ты делаешь, а?

– Кокоженое ем. Че те надо?

Рейч автоматически перешел на биллиботтонский жаргон, и это оказалось совсем нетрудно.

– Не. В Биллиботтоне че делаешь?

– Родился тут. Вырос тут. Токо в кровати родился, а не на улице, как ты.

Оскорбление слетело с языка легко, так легко и непринужденно, словно Рейч никуда и не отлучался из Биллиботтона.

– Во как? Че-то ты слишком вырядился. Тоже мне биллиботтонец. Цаца какая! Да от тебя, поди, и духами прет!

Парень пошевелил мизинцем – этим жестом подманивали к себе друг друга гомосексуалисты.

– Сказал бы я, чем от тебя несет. Но я – человек воспитанный.

– Чей-то? Во-спи-тан-ный? У-сю-сю!

В это время в кондитерскую вошли еще двое. Рейч слегка нахмурился. Сговорились они или как? Парень, сидевший за столом, обратился к вошедшим:

– Этот крикает, будто он воспитанный. Болтает – биллиботтонец.

Один из вошедших с притворной учтивостью поклонился Рейчу и ухмыльнулся, показав неровные, давно не чищенные зубы.

– А че, здорово! Биллиботтонец, да к тому же воспитанный! Завсегда че-нибудь подкинет бедненьким, несчастненьким сородичам, а? Ну, денежки, к примеру. Че тебе стоит подкинуть кредитку-другую бедненьким, а?

– И много их у тебя, господин хороший? – поинтересовался его приятель без ухмылки.

– Эй, эй! – заволновался хозяин заведения. – Парни, проваливайте отсюда. Неча у меня тут колобродить.

– Не бойсь, – сказал ему Рейч. – Я уйду.

Он собрался было уйти, но парень, сидевший за столом, выставил ногу, загородив проход между столиками.

– Ну ты че, парень? Ты куда? Мы по тебе заскучимся.

Хозяин кондитерской, почувствовав, что запахло жареным, ретировался в комнатку за стойкой.

Рейч улыбнулся и сказал:

– Парни, когда я в последний раз был в Биллиботтоне, со мной были мои старики, и нам загородили дорогу десять парней. Точно, десять. Я сосчитал. И мы с ними разделились.

– Да ну? – удивился тот, что заговорил с Рейчем. – Твой старикан разделался?

– Старикан? Не, не он. Ему бы нипочем такого не сделать. Старуха моя. А я, парни, получше ее сумею. А вас токо трое. Так что вы уж лучше пропустите меня.

– А как же. Ты токо кредитки оставь и иди. Не, еще тряпки кое-какие сыми.

Парень, сидевший за столом, встал. В руке его блеснуло лезвие ножа.

– Ага, – понимающе кивнул Рейч. – Вы, стало быть, решили поразвлечься? Ну, это вы зазря.

Рейч покончил с мороженым и повернулся к наглецам вполоборота. Вдруг быстрее, чем он сам успел сообразить, что делает, он одним махом взлетел на стол, резко взмахнул ногой и носком туфли сильно ударил точнехонько в солнечное сплетение парню с ножом.

Тот повалился на спину с громким воплем. Тут Рейч подпрыгнул, ногами опрокинул стол, схватил его за ножки и крышкой прижал к стене второго бандюгу, а третьему нанес сокрушительный удар в кадык. Тот скорчился, страшно закашлялся и повалился на пол.

На все у него ушли считанные мгновения. Выхватив из-за пояса два ножа, Рейч прошипел:

– Ну, давай подходи по одному! Кто первый?

Никто не шелохнулся.

– Ну, раз так, я пошел, – сказал Рейч.

Но, судя по всему, хозяин заведения даром времени не терял и, удалившись в комнатку за стойкой, вызвал людей на подмогу. В магазинчик вошли трое, и хозяин встретил их возмущенными воплями:

– Хулиганье! Настоящее хулиганье!

Вошедшие явно были одеты в какую-то форму, но такой формы Рейч раньше никогда не видел. Штаны у них были заправлены в высокие ботинки, просторные футболки подпоясаны широкими ремнями, на головах – довольно забавные пилотки. Ближе к левому плечу на футболках красовались буквы «О. Дж.».

Выглядели они вполне по-далийски, только усы у них были какие-то странные, не дальийские. Нет, усы как усы, черные, но только уж больно аккуратные, коротенькие.

– Капрал Квинбер, – представился старший по званию. – Что здесь происходит?

Побитые биллиботтонцы в это время поднялись, и вид у них был, прямо скажем, неважнецкий. Один из них все еще, согнувшись, держался за живот, второй потирал шею, а третий – плечо, которое, во всей видимости, было вывихнуто.

Капрал оценивающе поглядел на них. Двое его подчиненных встали у дверей. Капрал обернулся к Рейчу – на вид он был единственным не пострадавшим.

– Ты биллиботтонец, парень?

– Я здесь родился и вырос, но восемь лет прожил в другом месте.

Теперь Рейч говорил не с таким выраженным акцентом, но все же с акцентом – примерно с таким же, с каким говорил и сам капрал. В конце концов, Даль был большим сектором, тут жили разные люди, и в некоторых районах люди отличались правильной речью.

– Вы из службы безопасности? – спросил Рейч. – Что-то я не припоминаю такой формы...

– Нет, не из службы безопасности. В Биллиботтоне какая служба безопасности... Мы из охраны Джоранума, и порядок тут поддерживаем мы. Этих троих мы знаем, они нам уже попадались. О них мы позаботимся. Нас интересуешь ты, парень. Номер для связи?

Рейч назвал.

– И что тут произошло?

Рейч рассказал.

– А какое у тебя тут дело?

– Послушайте, – решил на всякий случай уточнить Рейч. – А вы имеете право допрашивать меня? Если вы не из службы безопасности...

– Послушай, – грубо проговорил капрал, – тебе ли о правах рассуждать? Мы шас в Биллиботтоне, а тут право есть у того, кто его взял. Ты сказал, что отделал эту троицу, и я тебе верю. Но нас тебе не отделать. Нам бластеров носить, правда, не разрешают, – лениво проговорил капрал и вытащил из кобуры самый что ни на есть настоящий бластер. – А теперь говори, что ты тут делаешь?

Рейч вздохнул. Если бы он отправился сразу туда, куда должен был отправиться, то есть в здание правительства сектора, если бы не эта проклятая ностальгия по Биллиботтону и «коко-женому»...

Он сказал:

– Я приехал по важному делу к мистеру Джорануму, и раз вы из его органи...

– К Джорануму? Лидеру?

– Да, капрал.

– С двумя ножами?

– Ножи для самозащиты. Я не собирался идти с ножами к мистеру Джорануму.

– Это ты только говоришь. Так, мистер, нам придется сопровождать вас в участок. Там разберемся. Может, не сразу разберемся, но выясним все досконально.

– Но у вас нет такого права! Вы не официальное учреж...

– Ладно, попробуй поищи, кому пожаловаться. А до тех пор ты наш.

Ножи были конфискованы, и Рейча повели в участок.

Глава 15

Клеон уже не был больше тем красивым молодым монархом, что красовался на его голографических портретах. Только на голограммах он таким и оставался, но зеркало говорило ему совсем другое. Последний день рождения Императора был отпразднован с подобающей случаю помпезностью, однако сорок лет – они и есть сорок, как ни крути.

В принципе Император не имел ничего против своего возраста. Здоровье его было в полном порядке. Правда, он немного растолстел – ну самую малость. Пожалуй, его лицо и могло бы выглядеть старше, но над ним постоянно трудились косметологи, и потому выглядел Император даже моложаво.

Восемнадцать лет он восседал на троне – за последнее столетие мало кому такое удавалось – и не видел ничего такого, что могло бы помешать ему процарствовать еще лет сорок, а тогда его царствование побито бы все рекорды в истории Империи.

Клеон снова взглянул в зеркало и пришел к выводу, что выглядел бы еще лучше, если бы не включал третье измерение.

Взять Демерзеля – преданного, надежного, крайне необходимого, *невыносимого* Демерзеля. Этот вообще не меняется! Остается таким, как был, и, насколько знал Клеон, косметологи ему никаких услуг не оказывают. Но что самое интересное, он никогда не выглядел *молодо*! Даже тогда, когда служил отцу Клеона, а сам Клеон был юным наследным принцем. И теперь все такой же. Может, лучше было бы слегка состариться в молодости и не меняться потом?

«Меняться»!

Это слово напомнило ему о том, что он вызвал Демерзеля по важной причине, значит, не следовало погружаться в раздумья, когда тот стоял перед ним и ждал. Такую рассеянность Демерзель мог как раз приписать тому, что Император стареет.

– Демерзель! – сказал Император.

– Сир?

– Этот Джоранум. Я уже устал слышать о нем.

– Вам нет нужды слушать, сир. Совершенно заурядный человек. Помелькает-помелькает да и исчезнет.

– Но что-то он не исчезает.

– Порой такие вещи носят затяжной характер, сир.

– И что ты о нем думаешь, Демерзель?

– Он опасен и приобрел известную популярность. Именно популярность усиливает его опасность.

– Но если ты находишь его опасным, а мне он так сильно надоел, зачем нам ждать? Разве его нельзя просто взять и посадить в тюрьму, казнить или сделать еще что-нибудь?

– Политическая ситуация на Тренторе, сир, сложна и...

– Она всегда сложна. Разве я слышал от тебя когда-нибудь что-то другое про ситуацию на Тренторе?

– Мы живем в сложное время, сир. Предпринимать в отношении этого человека резкие меры не стоит – разве только затем, чтобы сыграть на его популярность.

– Не нравится мне все это, – пробормотал Клеон. – Я не так уж начитан – у Императора всегда не хватает времени на чтение, но историю своей Империи я как-нибудь знаю. За последние пару столетий бывали случаи, когда такие популисты, как их принято называть, захватывали власть. И в каждом из таких случаев Император превращался в марионетку. А я марионеткой становиться, Демерзель, не желаю.

– Но этого не случится, сир.

– Случится, если ты намерен бездействовать.

– Я пытаюсь принять меры предосторожности, сир, но весьма умеренные.

– А ведь есть один человек, который не так осторожничает, как ты. Примерно месяц назад университетский профессор – *профессор*, это надо же – лично вмешался и прервал митинг джоранумитов, то есть фактически предотвратил студенческие волнения. Затеял кулачный бой и выгнал их.

– Все верно. А как вы, сир, об этом узнали?

– Узнал, потому что это именно тот профессор, которым я интересуюсь. А вот ты почему мне сам об этом не доложил?

Демерзель почти обиженно проговорил:

– Разве я обязан, сир, докладывать обо всем, что ложится на мой стол ежедневно? Обо всех мелочах?

– Мелочах? Но тот, о ком я говорю, не кто иной, как Гэри Селдон.

– Да, его так зовут.

– Знакомое имя. Не он ли несколько лет назад зачитал тот самый доклад на конгрессе, что так заинтересовал нас?

– Он, сир.

– Вот видишь, – довольно осклабился Клеон. – С памятью у меня все в порядке. Я не нуждаюсь в том, чтобы за меня все запоминали мои приближенные. И я говорил с этим Селдоном о его докладе, не так ли?

– Память у вас поистине безупречная, сир.

– А как поживает его идея? Ну, то средство для предсказания будущего? Моя безупречная память не подсказывает мне, как же оно называлось...

– Психоистория, сир. Как я вам еще тогда объяснил, идея оказалась безнадежно далекой от практического воплощения. Красивая была идея, но абсолютно неосуществимая.

– И все-таки он оказался способен сорвать многолюдный митинг. Осмелился бы он на такое, не зная заранее, что это ему удастся? Разве это не свидетельство того, что его психоистория... как бы это выразиться... работает?

– Сир, это говорит об одном: Гэри Селдон – горячая голова. Даже если бы психоисторическая теория работала, она все равно не выдавала бы результатов, имеющих отношение к отдельному человеку или конкретному событию.

– Ты ведь не математик, Демерзель. А он – да. Пора бы мне снова повидаться с ним. Довольно скоро должен состояться очередной математический конгресс, если не ошибаюсь?

– Не ошибаетесь, сир, но это будет бесполезная тра...

– Демерзель, я этого желаю. Сделай, как я говорю.

– Хорошо, сир.

Глава 16

Рейч слушал со всевозрастающим нетерпением, которого старался не показывать. Он находился в импровизированной камере, где-то в центре Биллиботтона. Вели его сюда по таким хитросплетениям улочек, что теперь он с трудом понимал, где находится место его заточения. (И это он, он, который в детстве мог с завязанными глазами исколесить весь Биллиботтон и удрать от любого преследователя!)

Тот, кто теперь беседовал с ним, – человек, одетый в зеленую форму охраны Джоранума, – был либо миссионером, промывателем мозгов, либо каким-то странным богословом, скорее всего подделывался под богослова. Представился он как Сандер Ни и теперь произносил длинную тираду, наверняка вызубренную наизусть, и притом с жутким акцентом истинного далийца.

– Коли далийский народ хочет наслаждаться благами равенства, он должен доказать, что достоин их. Смирное поведение, умеренность в удовольствиях – это требуется от всех и каждого. В чем нас попрекают другие? А как раз в том и попрекают, что мы, дескать, агрессивные, что мы ходим с ножами. Мы должны быть чисты в слове и...

– Я полностью согласен с вами, охранник Ни, – вмешался Рейч, – с каждым вашим словом согласен. Но... мне нужно повидать мистера Джоранума.

Охранник медленно покачал головой:

– Это никак нельзя, если у вас нету разрешения, приглашения.

– Послушайте, я сын известного профессора из Стрилингского университета, профессора-математика.

– Не знаю никаких профессоров... погоди, ты же вроде сказал, что ты из Даля.

– Конечно, из Даля. Вы что, не слышите, как я разговариваю?

– И твой папаша – профессор в таком большом университете? Че-то не верится.

– Он мне не родной отец. Отчим.

Охранник сглотнул слюну и покачал головой.

– А в Дале знаешь кого?

– Тут живет Матушка Ритта. Она меня знает. (А ведь она уже тогда, восемь лет назад, была жутко старая. Теперь, может, уже из ума выжила, а может, ее уж и в живых нет.)

– Сроду про такую не слышал.

Кто же еще? Пожалуй, он не мог припомнить никого, чье бы имя что-либо сказало этому человеку. Лучшим его дружкой был мальчишка по кличке Грязнуля, но, кроме клички, он ничего вспомнить не мог. Даже в полном отчаянии Рейч при всем желании не смог бы выговорить фразу типа: «Не знаком ли вам некто моего возраста по кличке Грязнуля?»

Наконец он сказал:

– Юго Амариль.

Светлые глаза Ни потемнели.

– Кто-кто?

– Юго Амариль, – заторопился Рейч. – Он работает у моего отчима в университете.

– Че, тоже далиец? Че, там у вас в университете все далийцы собрались, а?

– Нет, только он и я. Он был раньше термальщиком.

– А он в университете че делает?

– Мой отец вытянул его из термариес восемь лет назад.

– Ладно, проверим. Пошлю кого-нибудь, проверим.

Рейчу пришлось ждать. Пытаться бежать? Толку не было. Он теперь не так хорошо, как раньше, ориентировался в биллиботтонских подворотнях и закоулках, его бы тут же сцапали снова.

Прошло двадцать минут, и Ни вернулся с тем самым капралом, что арестовал Рейча в кондитерской. У Рейча появилась маленькая надежда: может, у капрала мозгов побольше?

– Как, ты говоришь, звать того далийца, какого ты знаешь?

– Юго Амариль, капрал, термальщик, которого мой отец нашел здесь, в Дале, восемь лет назад и забрал с собой в Стрилингский университет.

– Зачем это ему понадобилось?

– Моему отцу показалось, что Юго способен на большее, чем ковыряться в термарии, капрал.

– К примеру?

– Он оказался способным математиком. Он...

Капрал поднял руку, прервав Рейча:

– В каком термарии он работал?

Рейч ненадолго задумался.

– Понимаете, я тогда маленький был, но вроде бы в «С-2».

– Почти верно. В «С-3».

– Стало быть, вы его знаете, капрал?

– Я-то? Лично – нет, но эту байку в термариях все наперебой рассказывают, а я там тоже потрудились. Кто знает, может, и ты ее там услышал. Чем докажешь, что вправду знаешь Юго Амариля?

– Послушайте, давайте вот как сделаем. Я напишу свое имя и имя моего отца на листке бумаги. И еще одно-единственное слово. Свяжитесь, как сами пожелаете, с кем-нибудь из аппарата мистера Джоранума, а мистер Джоранум будет в Дале завтра, и пусть он прочитает мое имя, имя моего отца и это самое слово. Если это ничего не даст, значит, я останусь здесь и буду гнить потихоньку, но думаю, этого не случится. Я просто уверен, что меня отсюда в три секунды заберут, а вы получите повышение по службе за своевременную передачу информации. Если же вы мне откажете и они сами узнают, что я здесь, – а они все равно узнают, – вы попадете в большую беду. В конце концов, если вы знаете, что Юго Амариль уехал отсюда с одним знаменитым математиком, вбейте себе в голову, что этот самый математик и есть мой отец. Его зовут Гэри Селдон.

По лицу капрала стало ясно, что это имя для него не пустой звук.

– А что же это за слово такое, какое ты хочешь написать?

– «Психоистория».

– И что это за штуковина? – нахмурился капрал.

– Не важно. Передадите – сами увидите, что получится.

Капрал вырвал из блокнота листок.

– Ладно. Пиши. Поглядим, что из этого выйдет.

Рейч весь дрожал. Ему и самому не терпелось увидеть, что случится. Но все зависело теперь только от того, с кем переговорит капрал, случится ли чудо под действием магического слова.

Глава 17

Гэри Селдон смотрел на дождевые капельки, разбивавшиеся о ветровое стекло правительственного автомобиля, и чувствовал при этом острейшую ностальгию.

Всего лишь второй раз за восемь лет, проведенных им на Тренторе, он получил приказ явиться к Императору, дворец которого стоял на единственном открытом участке Трентора, и оба раза погода оказывалась дождливой и холодной. В первый раз он приехал сюда вскоре после прибытия на Трентор, и тогда ненастье попросту огорчило его. В такой погоде для него не было ничего нового. Дождь и грозы у него и на Геликоне хватало – там такая погода была привычной, особенно в тех местах, где вырос Селдон.

Но теперь, прожив восемь лет в условиях искусственного климата, когда «грозы» состояли в периодическом затемнении «небес» искусственными тучами и легком дождичке, что моросил, покуда все спали, вместо яростного ветра порой дул легкий бриз, и никогда не бывало ни пощипывающего морозца, ни жуткого зноя – а так, то легкое потепление, когда приходилось расстегнуть верхнюю пуговицу на рубашке, или легкое похолодание, когда ты бывал вынужден набросить легкую курточку (на самом деле даже такие ничтожные перепады в погоде вызывали у местных жителей жалобы), теперь этот холодный, унылый дождик, сыплющий с серого неба, казался ему родным и приятным. Дождь напомнил ему о Геликоне, о юности, о том, что казалось ему теперь порой счастливой беззаботности. Он даже подумал было, уж не попросить ли водителя выбрать самую длинную дорогу к дворцу.

Нет, нельзя. Император желал его видеть, а путь на автомобиле и так был не близкий, даже если ехать по прямой, не останавливаясь на перекрестках.

Императора нельзя было заставлять ждать.

Клеон, оказывается, теперь был уже не тот, каким видел его Селдон восемь лет назад. Поправился фунтов на десять, мешки под глазами, хотя, безусловно, пластические операции делали свое дело: обрюзгшим лицо Императора назвать было нельзя. Селдону стало немного жаль Императора – как бы он ни был всемогущ, а тоже ничего не мог поделать против всемогущего времени.

Клеон и на этот раз встретился с Селдоном наедине, в той же самой роскошно обставленной комнате, где они виделись впервые. По традиции Селдон молчал, ожидая, когда Император обратится к нему.

Бросив на Селдона оценивающий взгляд, Император произнес самым будничным тоном:

– Рад вас видеть, профессор. Давайте поговорим по душам, без формальностей – так же, как тогда, когда мы в первый раз виделись с вами.

– Хорошо, сир, – осторожно ответил Селдон.

(Говорить по душам не всегда безопасно, только из-за того, что Император отдал тебе такое распоряжение. Можно и проговориться.)

Клеон непринужденно махнул рукой, и в комнате тут же ожила автоматика. Стол накрылся как бы сам собой. На нем одно за другим стали появляться блюда. Все произошло так быстро, что Селдон и глазом моргнуть не успел.

– Пообедаете со мной, Селдон? – как ни в чем не бывало спросил Клеон.

Ничего особенного в этом вопросе не было – самое обычное приглашение к столу, но сказано это было тоном, не допускающим возражений.

– Почту за честь, сир, – ответил Селдон и украдкой огляделся по сторонам. Он отлично знал, что Императору задавать вопросы не положено или, по крайней мере, нежелательно, но не сумел справиться с собой. Стараясь, чтобы в голосе не было вопросительных ноток, он проговорил: – Премьер-министр с нами обедать не будет?

– Нет, – ответил Клеон. – У него сейчас другие дела, а мне бы хотелось побеседовать с вами наедине.

Некоторое время обед протекал в полном молчании. Клеон пристально глядел на Селдона, Селдон натянуто улыбался. Клеона нельзя было обвинить в излишней жестокости и даже в безответственности, но на самом деле ему ничего не стоило взять да и арестовать Селдона по сфабрикованному обвинению, а при той власти, какой располагал Император, дело до суда могло и не дойти. Желательно было всегда держаться от него подальше, не привлекать его внимание, но сейчас был не тот случай.

Конечно, в прошлый раз дело обстояло намного хуже – тогда его доставили во дворец в сопровождении вооруженной охраны, но почему-то Селдону от этой мысли легче не становилось.

Наконец Клеон прервал молчание.

– Селдон, – сказал он, – мой премьер-министр – человек весьма работоспособный и полезный, и все-таки у меня такое впечатление, что порой людям кажется, будто у меня уже и своей головы на плечах нет. Вам тоже так кажется?

– Что вы, сир! – вежливо, но без комментариев, возразил Селдон.

– Я вам не верю. Однако голова на плечах у меня есть, и я отлично помню, что, когда вы впервые приехали на Трентор, вы баловались психоисторией.

– Надеюсь, вы не забыли, сир, – негромко проговорил Селдон, – что тогда я объяснил вам, что это всего-навсего математическая теория, безнадежно далекая от применения на практике.

– Это вы тогда говорили. Вы и теперь так говорите?

– Да, сир.

– Вы что, над ней не работали с тех пор?

– Нет, время от времени я этим балуюсь, но ничего не получается. К несчастью, все время мешают хаос и вероятность не...

– Мне бы хотелось, – прервал его Император, – чтобы вы занялись решением одной конкретной задачи... Угощайтесь десертом, Селдон. Очень вкусно.

– Что за задача, сир?

– Этот Джоранум... Демерзель считает, что я не могу арестовать этого человека и не могу использовать вооруженные силы для того, чтобы уничтожить его последователей. Он говорит, что от этого будет только хуже.

– Если так говорит премьер-министр, наверное, так оно и есть.

– Но мне очень мешает этот Джоранум... Во всяком случае, марионеткой я становиться не собираюсь. А Демерзель бездействует.

– Уверен, он делает все, что может, сир.

– Ну, коли он и трудится над решением этой проблемы, значит, меня в курс дела не вводит.

– Но это, сир, может быть, из-за того, чтобы вас лишний раз не беспокоить, чтобы поберечь от ненужных волнений. Может быть, премьер-министру кажется, что было бы лучше, если бы Джоранум... если бы он...

– Договаривайте, – брезгливо поморщился Клеон.

– Да, сир. Было бы неразумно показывать, что вы лично выступаете против него. Вы должны оставаться в стороне во имя блага Империи.

– Мне было бы гораздо спокойней заботиться о благе Империи, не будь Джоранума. И что же вы предлагаете, Селдон?

– Я, сир?

– Вы, Селдон, – нетерпеливо кивнул Клеон. – Скажем так: я вам не верю, когда вы утверждаете, что психоистория – всего-навсего игра. Демерзель продолжает поддерживать с вами дружеские отношения. Вы что, думаете, я такой тупица, что не замечаю этого? Он от вас чего-

то ждет. А ждет он от вас психоистории, а поскольку я все-таки не тупица, я ее тоже жду. Селдон, вы за Джоранума? Говорите! Говорите правду!

– Нет, сир, я не за него. Я считаю, что он представляет собой реальную угрозу Империи.

– Хорошо. Я вам верю. Насколько мне известно, вы прервали джоранумитский митинг и тем самым предотвратили студенческие волнения.

– Это был просто душевный порыв, сир.

– Не морочьте мне голову, Селдон. Вы руководствовались психоисторией.

– Сир!

– Не возражайте. Вы что-нибудь предпринимаете в отношении этого Джоранума? Обязаны предпринимать, если вы – на стороне Империи.

– Сир, – проговорил Селдон осторожно, поскольку не знал, как много известно Императору, – я отправил моего сына на встречу с Джоранумом в Даль.

– Зачем?

– Мой сын далиец, сир, и к тому же проныра. Он может разузнать кое-что, что сослужит нам хорошую службу.

– Может?

– Да. Увы, только может, сир.

– Вы будете держать связь со мной?

– Да, сир.

– И вот что, Селдон: прекратите валять дурака и притворяться, будто психоистории не существует, что это всего лишь идея. Я не желаю этого слышать. Я жду, что вы что-нибудь сделаете с этим Джоранумом. Не знаю что, но что-то сделать должны. Все. Можете идти.

Селдон вернулся в Стрилингский университет в гораздо более мрачном расположении духа, чем уезжал. Клеон говорил так, что было ясно – неудачи он не потерпит.

Теперь все зависело от Рейча.

Глава 18

Ближе к вечеру Рейч уже сидел в кабинете учреждения, в которое никогда не входил – нет, не мог войти, будучи беспризорником. Даже теперь он чувствовал себя здесь не слишком уютно, как будто без разрешения проник в чужой дом.

Он изо всех сил старался принять непринужденный вид, придать лицу веселость и обаяние. Отец сказал, что все это было ему присуще от природы, а сам он об этом никогда и не задумывался. Но раз это действительно его природное качество, ему не следовало искусственно придавать себе обаятельность.

Он постарался расслабиться и при этом не сводил глаз с человека, что сидел за письменным столом и работал на компьютере. Человек этот был не дальицем. Это был не кто иной, как Джембол Дин Намарти, тот самый, что был тогда на встрече с Джоранумом, когда они приходили к отцу.

Время от времени Намарти отрывал взгляд от экрана компьютера и враждебно поглядывал на Рейча. На его обаяние Намарти не покупался.

А Рейч и не собирался отвечать на враждебность Намарти милыми улыбочками. Это было бы нарочито, наигранно. Он просто сидел и ждал. Главное, он попал сюда. Теперь, если Джоранум приедет, а приехать он должен был непременно, у Рейча будет возможность поговорить с ним.

Джоранум вошел, источая свою лучезарную улыбочку. Намарти поднял руку. Джоранум остановился. Они принялись о чем-то тихо переговариваться. Рейч наострил уши, стараясь расслышать их разговор, делая при этом вид, что ему это совершенно не интересно. Ему стало ясно, что Намарти против их встречи. Интересно, почему?

Но вот Джоранум обернулся, улыбнулся Рейчу и оттолкнул Намарти плечом. Рейч понял, что, хотя Намарти, судя по всему, в команде Джоранума является чем-то вроде мозгового центра, сила все равно остается за самим Джоранумом.

Джоранум шагнул к Рейчу и протянул пухлую, немного влажную ладонь.

– Хорошо, хорошо. Сынок профессора Селдона? Как поживаешь, дружок?

– Отлично, сэр, спасибо.

– У тебя были кое-какие трудности, насколько я знаю?

– Да нет, ничего такого особенного, сэр.

– И ты принес мне весточку от твоего папочки, верно? Видимо, он передумал, а? Решил-таки присоединиться к моему великому крестовому походу?

– Не совсем так, сэр.

Джоранум едва заметно нахмурился:

– Так ты не привез мне ничего такого?

– Нет, сэр. Он просто послал меня.

– Ясно. Есть хочешь?

– Пока нет.

– Значит, не будешь возражать, если я перекушу? Знаешь, у меня на простые житейские радости вечно времени не хватает, – сказал он, широко улыбаясь.

– Все нормально, сэр.

Они вместе подошли к столу и сели. Джоранум развернул сверток, достал сандвич и откусил кусок. Пережевывая, он сказал:

– А зачем же он послал тебя, сынок?

Рейч пожал плечами:

– Наверное, думал, что я разужнаю что-нибудь про вас такое, что могло бы ему помочь навредить вам. Он-то душой и сердцем предан премьер-министру Демерзелю.

– А ты разве нет?

– Нет, сэр. Я же далиец.

– Знаю, что далиец, мистер Селдон, но какое это имеет значение?

– Это значит, что я – из угнетенных, а поэтому я за вас и хочу вам помочь. Конечно, мне не хотелось бы, чтобы об этом узнал мой отец.

– А зачем ему об этом узнавать? Незачем. И как же ты собираешься мне помогать? – спросил Джоранум, бросив быстрый взгляд на Намарти, который слушал их беседу, угрюмо подперев подбородок кулаками. – Тебе что-нибудь известно о психоистории?

– Нет, сэр. Отец со мной об этом не говорит, а заговори он, я бы все равно ничегошеньки не понял, да и успехов у него, судя по всему, никаких.

– Ты точно знаешь?

– Конечно, точно. У нас там есть парень такой – Юго Амариль, он тоже далиец, вот он иногда обронит словечко-другое. Так что я уверен и вам точно говорю: ничего они не добились.

– Ага! Скажи, а как ты думаешь, мог бы я повидаться как-нибудь с Юго Амарилем?

– Не думаю. Он не очень-то жалуется Демерзеля, но зато с головой предан моему отцу. Он вам не помощник. Он отца не предаст.

– А ты, стало быть, можешь?

Рейч помрачнел и упрямо пробормотал:

– Я – далиец.

Джоранум прокашлялся:

– Давай-ка я тебя еще разок спрошу: чем ты собираешься мне помочь, молодой человек?

– Я могу сказать вам кое-что, но боюсь, вы не поверите.

– Вот как? Если не поверю, так тебе сразу и скажу.

– Насчет нашего премьер-министра Эдо Демерзеля.

– Ну?

Рейч облизнул губы, испуганно огляделся по сторонам.

– Меня никто не услышит?

– Никто, кроме меня и Намарти.

– Так вот, слушайте. Этот Демерзель – он никакой не человек. Он – робот.

– Что?! – взревел Джоранум.

Рейч решил, что нужно объяснить:

– Робот, сэр, это механический человек. Искусственный, ненастоящий. Машина, понимаете?

Намарти яростно вмешался:

– Джо-Джо, не верь этой ерунде! Это глупо!

Однако Джоранум предостерегающе поднял руку. Глаза его сверкали.

– Откуда тебе это известно?

– Отец когда-то побывал в Микогене. Вот он мне и рассказал, что в Микогене много болтают про роботов.

– Да, знаю. То есть, по крайней мере, слышал.

– Ну вот, и микогенцы, они верят, что когда-то давным-давно у их предков было полным-полно роботов, а потом их не стало.

Намарти прищурился:

– Нет, ты скажи, с чего это ты взял, что Демерзель – робот? Я, правда, не так много про это слышал, но, насколько я помню, роботы – они же металлические, верно?

– Верно, – честно признался Рейч, – но только я еще слышал, что были и такие роботы, которые выглядели точнехонько как люди, и они могли жить вечно...

Намарти яростно затряс головой:

– Легенды! Дурацкие легенды! Джо-Джо, и зачем только мы слушаем эту...

– Нет, Джей Ди, – прервал его Джоранум. – Я хочу послушать. Я тоже слышал про эти легенды.

– Но это же чушь, Джо-Джо.

– Не торопись произносить слово «чушь». Пусть даже так, ведь люди живут ради подобной чуши и погибают за нее. Дело не столько в том, что есть на самом деле, а в том, чем это *считают* люди. Ладно, молодой человек, о легендах не будем. Скажи мне, почему ты считаешь, что Демерзель – робот? Допустим, роботы действительно существуют. Что же такого есть в Демерзеле, что заставляет тебя думать, будто он – робот? Он что, сам тебе об этом сказал?

– Нет, сэр, – ответил Рейч.

– Может быть, отец сказал? – спросил Джоранум.

– Нет, сэр. Это моя собственная догадка, но я в этом уверен.

– Но почему? Откуда у тебя такая уверенность?

– Есть в нем что-то такое... Например, он не меняется с годами. Не стареет, понимаете? Он бесчувственный какой-то – никаких эмоций. В общем, что-то такое, отчего кажется, будто он и вправду из железа.

Джоранум откинулся на спинку стула и довольно долго испытующе, внимательно смотрел на Рейча. Еще бы чуть-чуть, и, наверное, можно было бы услышать, как настырно звенят его мысли.

– Хорошо, – наконец проговорил он. – Допустим, он *на самом деле* робот, молодой человек. И что? Тебе-то до этого какое дело?

– Как это какое дело? – удивился Рейч. – Я же человек. И я вовсе не хочу, чтобы робот правил Империей.

Джоранум повернулся к Намарти и довольно кивнул.

– Слышал, Джей Ди? Здорово сказано: «Я – человек и не хочу, чтобы робот правил Империей». Отведи-ка его в студию, пусть скажет это всем да повторит не один раз, чтобы всем на Тренторе вбить в мозги.

– Эй! – вмешался Рейч, наконец переведя дух. – По головидению я никак не смогу этого сказать. Я же не хочу, чтобы отец узнал...

– Нет-нет, не бойся, – быстро успокоил его Джоранум. – Этого мы не допустим. Мы только возьмем твои слова. Разыщем какого-нибудь другого далийца. И еще по одному жителю из каждого сектора. Пусть говорят каждый на своем диалекте, но слова будут у всех одни и те же: «Я не хочу, чтобы робот правил Империей».

– А что, – встрял Намарти, – если Демерзель докажет, что он не робот?

– Да что ты! – отмахнулся Джоранум. – Как он сумеет доказать? Это психологически невозможно. О чем ты говоришь? Чтобы великий Демерзель, человек, стоящий за тронном, человек, в чьих руках столько лет были все ниточки, тянущиеся к престолу Клеона Первого, который еще его отцу служил, взял да и спустился с заоблачных высот и оправдывался перед народом, доказывая, что он – человек? Для него это окажется ничуть не лучше, чем на самом деле быть роботом. Итак, Джей Ди, злодей у нас в руках, и этим мы обязаны вот этому замечательному юноше.

Рейч покраснел.

– Рейч... тебя же Рейч зовут? – спросил Джоранум. – Как только наша партия добьется желаемого положения, мы не забудем о тебе. Отношение к Далю, твоей родине, будет подобающим, и ты займешь важный пост среди нас. Когда-нибудь, Рейч, в один прекрасный день, ты станешь в Дале самым главным, и тебе не придется сожалеть о содеянном. Кстати, ты, случаем, не сожалеешь?

– Ни капельки! – с жаром воскликнул Рейч.

– В таком случае можешь спокойно отправляться к отцу. Уверь его в том, что мы не желаем ему зла, что мы его высоко ценим. Как ты это узнал и откуда – говори, что тебе

вздумается. А если сумеешь выяснить еще что-нибудь полезное для нас, в особенности насчет психоистории, дай нам знать.

– Конечно. А вы честно сделаете так, что в Дале станет лучше, чем теперь?

– Совершенно честно. Клянусь. Равенство для всех секторов, мой мальчик. У нас будет новая Империя, а все зло – все эти привилегии и неравенство – все это мы сотрем в порошок.

– Этого мне и надо, – сжал кулаки Рейч и довольно улыбнулся.

Глава 19

Император Галактики Клеон размашисто, поспешно шагнул вдоль колоннады, что вела из его личных покоев в Малом Дворце, в здание, где проживали многочисленные правительственные чиновники. Здание примыкало к Императорскому Дворцу, то бишь к сердцу и мозговому центру Империи. За ним следом семенили кто-то из его личных секретарей и телохранители. Лица у всех были обескураженные. Император не должен был сам ходить к кому бы то ни было! Ну ладно, сам пошел, но как он мог столь откровенно демонстрировать поспешность, давать выход переполнявшим его чувствам?! Разве так можно? Он же Император и, значит, больше, чем просто человек, – он символ Империи.

А сейчас он вел себя в точности как простой человек. Всех, кто попадался ему по пути, отталкивал в сторону правой рукой. А в его левой руке была зажата светящаяся голограмма.

– Где премьер-министр? – спрашивал он грозным, гремящим голосом, совсем не таким, каким обычно разговаривал во время приемов и аудиенций. – Где он?

А высшие чиновники растерянно расступались, бормотали что-то невнятное. Император сердито шел дальше, оставляя у приближенных впечатление, будто им снится страшный сон.

Наконец он добрался до кабинета Демерзеля и, переведя дыхание, заорал, то есть буквально *заорал*:

– *Демерзель!!!*

Демерзель удивленно взглянул на Императора и быстро встал, поскольку сидеть в присутствии Императора позволялось, только если Император разрешил сесть.

– Сир?

Император швырнул голограмму на письменный стол Демерзеля и прошипел:

– Что это такое? Отвечай!

Демерзель посмотрел на то, что швырнул Император. Прекрасная голограмма – красивая, живая. Казалось, еще чуть-чуть – и услышишь те слова, что произносил хорошенький мальчик лет десяти, хотя на самом деле они были написаны внизу: «Я не хочу, чтобы Империей правил робот».

– Я такую тоже получил, сир, – спокойно отозвался Демерзель.

– Кто еще?

– У меня такое впечатление, сир, что эта птичка уже облетела весь Трентор. Это листовка, не иначе.

– Да, но ты видишь, там висит чей-то портрет на стене. Приглядишься, про кого толкует этот паршивец? Не ты ли это?

– Сходство потрясающее, сир.

– Так, может, я не ошибаюсь и у этой «птички», как ты выразился, одно на уме: обвинить тебя в том, что ты – робот?

– Похоже, на уме у нее именно это, сир.

– Поправь меня, если я ошибаюсь, но ведь роботы – это вымышленные механические человекоподобные существа, упоминания о которых встречаются в романах и детских сказках?

– Для микогенцев, сир, одним из догматов их религии является то, что роботы...

– Меня не интересуют микогенцы и догматы их религии. Почему тебя обвиняют в том, что ты – робот?

– Это всего-навсего метафора, сир, я уверен. Хотят изобразить меня в виде человека бессердечного, мышление которого подобно работе вычислительной машины.

– Маловато будет, Демерзель. Меня не проведешь. – Клеон снова указал пальцем на голограмму. – Нет, Демерзель, они пытаются убедить народ в том, что ты – действительно робот.

– Вряд ли мы сможем что-то поделать, сир, если люди решат поверить в это.

– Мы не можем этого позволить. Тут речь идет о твоей гордости. Более того, речь идет о гордости Императора. Ведь получается, что это я – я! – взял себе в премьер-министры механического человека! Это невыносимо. Послушай, Демерзель, существуют ли законы, которые карали бы за оскорбление чести и достоинства имперских чиновников?

– Да, сир, существуют, довольно-таки суровые, восходящие к великому Своду Законов Абурамиса.

– А оскорбление чести и достоинства Императора, если не ошибаюсь, приравнивается к уголовному преступлению?

– И наказывается смертью, сир. Все верно.

– Так вот. Унизили и оскорбили не только тебя, но и меня, и тот, кто это сделал, должен быть казнен. Конечно, за всем этим стоит Джоранум.

– Несомненно, сир, но доказать это будет нелегко.

– Чушь! У меня достаточно доказательств. Я хочу, чтобы его казнили.

– Беда в том, сир, что у применения законов о чести и достоинстве нет прецедентов. По крайней мере, в нашем столетии не было.

– Потому-то у нас в жизни все наперекосяк, а Империя содрогается до основания. Законы в книгах записаны? Вот и задействуй их.

– Подумайте, сир, будет ли это мудро, – негромко проговорил Демерзель. – Вы тогда будете выглядеть тираном и деспотом. Ваше правление до сих блистало добротой и умеренностью...

– Вот-вот, и сам видишь, к чему это привело. Лучше пусть меня боятся за перемену в моем характере, чем любят – вот *так* любят!

– И все же я настойчиво рекомендую вам, сир, не прибегать к таким мерам. Это может стать искрой, от которой возгорится пламя восстания.

– Ну а ты-то что делать собираешься в таком случае? Что, выйдешь к народу и скажешь: «Посмотрите на меня. Я – не робот»?

– Нет, сир, я такого делать не стану, поскольку это унижительно для меня и, более того, для вас.

– И что же?

– Пока не знаю, сир. Я еще не успел обдумать.

– Не успел обдумать? Немедленно свяжись с Селдоном.

– Сир?

– Что тут непонятного в моем приказе? *Немедленно свяжись с Селдоном!*

– Вы хотите, чтобы я пригласил его во дворец?

– Нет, это слишком долго. Думаю, ты сумеешь наладить линию секретной связи – секретной, слышишь, чтобы она не прослушивалась.

– Да, сир, безусловно.

– Так давай же. Быстрее!

Глава 20

Селдону не доставало самообладания Демерзеля, ведь он был из плоти и крови. Этот вызов в кабинет, внезапное потрескивание защитного поля – все это говорило о том, что происходит нечто совершенно необычное.

Он полагал, что увидит на голографическом экране какого-нибудь высокопоставленного чиновника, который предупредит его секретную, непослушиваемую связь с Демерзелем. Судя по тому, как быстро распространялись слухи о том, что Демерзель – робот, меньшего и ждать было нельзя.

Но и большего Селдон никак не ожидал, а потому, когда в его кабинете появился (пусть даже в виде голографического изображения) не кто иной, как Его Императорское Величество собственной персоной, Селдон опустился на стул, широко раскрыл рот, и как ни пытался встать, у него это не получалось.

Клеон знаком повелел Селдону сидеть.

– Вы, видимо, знаете о том, что происходит, Селдон? – сказал Император.

– Вы насчет разговоров о роботе, сир?

– Именно об этом. Что можно предпринять?

Селдон, несмотря на разрешение сидеть, все-таки с трудом поднялся.

– Дело обстоит гораздо хуже, сир. Джоранум поднимает бунты по всему Трентору под флагом этих самых разговоров. По крайней мере, так говорят в «Новостях».

– Да? А вот я этого пока не знаю. Нет, конечно, зачем Императору знать правду?

– Императору не стоит волноваться, сир. Я уверен, что премьер-министр...

– Премьер-министр не делает ровным счетом ничего, даже меня не информирует. Я обращаюсь к вам и вашей психоистории. Скажите, что *мне делать*?

– Сир?

– Я с вами в игрушки играть не собираюсь. Селдон, вы восемь лет работали над психоисторией. Премьер-министр утверждает, что мне не стоит принимать юридических мер к Джорануму. Но что же мне тогда делать?

– Ничего, сир, – прошептал Селдон.

– Вы ничего не можете мне посоветовать?

– Нет, сир. Я не о том. Я о том, что вам не следует ничего делать. *Ничего!* Премьер-министр совершенно прав, что отговаривает вас от юридических мер. От этого будет только хуже.

– Замечательно. А лучше от чего будет?

– Будет лучше, если вы не будете делать ровным счетом ничего. Пусть правительство позволит Джорануму делать то, что ему вздумается.

– И что это даст?

Селдон, стараясь скрыть отчаяние, негромко ответил:

– Скоро будет видно.

Император вдруг просиял. Куда девались злость и негодование!

– А-га! – сказал он заговорщицки. – Я понял! Ситуация у вас в руках.

– Сир, я не говорил, что...

– И не надо. Не надо ничего говорить. Я уже наслушался. Значит, так: ситуация у вас в руках, но мне нужны результаты. На моей стороне по-прежнему императорская гвардия и вооруженные силы. Они останутся мне верны, и, если дело дойдет до серьезных беспорядков, я не растеряюсь. Но для начала я дам вам шанс.

Изображение вспыхнуло и исчезло, а Селдон еще долго сидел, глядя на экран.

Впервые с того самого злосчастного момента, когда восемь лет назад он обмолвился о психоистории, он вынужден был столкнуться с неразрешимой задачей: от него требовали то, чего у него не было.

А было-то всего – дикие, неоформленные, призрачные мысли да то, что Юго Амариль называл интуицией.

Глава 21

За два дня Джоранум покорил Трентор. Где-то он бывал сам, куда-то выезжали его помощники. Как Гэри сказал Дорс, кампания была проведена прямо-таки по-военному.

– Ему бы родиться пораньше, – заметил он, – и вышел бы из него отличный адмирал. Балда, разменивается на политику.

– Разменивается? – удивилась Дорс. – При такой прыти он через неделю станет премьер-министром! Есть сообщения о том, что кое-какие гарнизоны переходят на его сторону.

– Все это скоро кончится, Дорс, – покачал головой Селдон.

– Что «это»? Триумф Джоранума или Империя?

– Триумф Джоранума. История с роботом, конечно, наделала жуткого шума, в особенности эта листовка, но стоит немного поразмыслить весьма трезво, хладнокровно, и люди поймут, как нелепо это обвинение.

– Но, Гэри, мне-то ты можешь не лгать. Зачем ты-то притворяешься, что это все нелепо? И как только Джоранум мог узнать о том, что Демерзель – робот?

– А, ты про это? Рейч ему рассказал.

– Рейч?!

– Да. Он отлично справился с порученным делом и вернулся с обещанием Джоранума сделать его в один прекрасный день главой правительства Даля. Конечно, ему поверили. Я знал, что так и будет.

– То есть ты сказал Рейчу, что Демерзель – робот, и велел передать это Джорануму? – в ужасе спросила Дорс.

– Нет, этого я сделать не мог. Ты понимаешь, я ведь не мог сказать Рейчу, да и кому бы то ни было, что Демерзель – робот. Рейчу я, как мог, внушил, что Демерзель – не робот. А вот Джорануму он должен был сказать, что тот – робот. Так что у Рейча – самая твердая убежденность, что Джорануму он солгал.

– Но зачем, Гэри? Почему?

– Не из-за психоистории, я тебе честно скажу. Ты не уподобляйся, пожалуйста, Императору и не считай меня волшебником. Я только и хотел, чтобы Джоранум поверил, будто Демерзель – робот. Он ведь микогенец по рождению, так что его детство и юность наверняка прошли под флагом легенд о роботах. Значит, ему было бы легче поверить в такое, и он легко поверил да еще и решил, что народ поверит вместе с ним.

– Разве он не ошибался?

– В каком-то смысле – да. Когда пройдет первый шок, люди опомнятся и поймут, что все это – безумная выдумка, ну, если не поймут, то, по крайней мере, так подумают. Я убедил Демерзеля дать интервью по субэфирному головидению, которое будет передано на ключевые планеты Империи и в каждый из секторов Трентора. Он должен будет говорить о чем угодно, только ни словом не упоминать о роботах. Поддерживать эти разговоры сейчас смерти подобно. Люди будут слушать во все уши, но ничего не услышат о роботах. А потом, в самом конце, ему будет задан сакраментальный вопрос насчет листовки. Ему же надо будет только расхохотаться в ответ.

– Расхохотаться? Никогда не видела, чтобы Демерзель смеялся. Он и улыбается-то редко.

– На этот раз придется, Дорс. Ведь это единственное, чего никто не ожидает от робота. Ты же видела роботов в фантастических фильмах? Там они всегда суровы, бесчувственны, бесчеловечны – такими их и представляют себе большинство людей. Так что Демерзелю и нужно будет одно-единственное – расхохотаться. И вот еще что... Помнишь Протуберанца Четырнадцатого – правителя Микогена, верховного жреца тамошней религии?

– Еще бы. Суровый, бесчувственный, бесчеловечный. Он тоже никогда не смеялся.

– И на этот раз не рассмеется. Понимаешь, я проделал уйму работы в отношении Джоранума с того самого злосчастного дня, когда схлестнулся с его приспешниками на поле. Я знаю теперь его настоящее имя. Знаю, где он родился, кто его родители, в какой школе он учился в детстве, и все эти документально подтвержденные сведения я отправил Протуберанцу Четырнадцатому. А я не думаю, чтобы Протуберанец жаловал Отступников.

– Но ты вроде бы говорил, что дискриминация тебе противна.

– Противна. Но я ведь не передал эту информацию на головидение, а все сообщил именно тому, кому и должен был сообщить, то бишь Протуберанцу Четырнадцатому.

– Вот он и начнет кампанию по дискриминации.

– Ничего у него не выйдет. Никто на Тренторе не обратит никакого внимания на Протуберанца – что бы он ни говорил.

– И что же тогда из этого выйдет?

– Увидим, Дорс, увидим. У меня нет результатов психоисторического анализа ситуации. Я даже не знаю, возможен ли такой анализ в принципе. Просто надеюсь, что ход моих мыслей верен.

Глава 22

Эдо Демерзель рассмеялся.

И не в первый раз. Они втроем – он, Гэри Селдон и Дорс Венабили – сидели в экранированной комнате, и ему то и дело по сигналу Гэри нужно было хохотать. Когда он откидывался на спинку кресла и оглушительно, раскатисто хохотал, Селдон качал головой.

– Нет, неубедительно. Не верю, – повторял он снова и снова.

Тогда Демерзель улыбнулся и рассмеялся, как смеялся бы человек, задетый за живое. Селдон недовольно поморщился.

– Ну и работенка... Я понимаю: рассказывать тебе анекдоты бесполезно. Ты можешь решить эту задачу только умом. Тебе нужно просто запомнить звучание смеха.

– А может, фонограмму пустить? – предложила Дорс.

– Нет! Это не будет Демерзель. Тогда мы все превратимся в компанию идиотов. Нет-нет, так не пойдет. Попробуй еще разок, Демерзель.

Демерзель попробовал, и Селдон наконец удовлетворился.

– Отлично. Запомни этот звук и воспроизведешь его, когда тебе зададут вопрос. Выглядеть ты должен искренне удивленным. Невозможно смеяться с каменным лицом. Улыбнись – ну, немножко, совсем капельку. Попробуй вот так рот скривить. Вот-вот. Совсем неплохо. А можешь увлажнить глаза?

– Что это такое – «увлажнить»? – возмущенно вмешалась Дорс. – Никто не «увлажняет» глаза. Это всего-навсего образное выражение.

– Не только, – возразил Селдон. – Бывает так, что человек не плачет, но глаза его увлажняются – от грусти, от радости, и вполне достаточно, чтобы оператор поймал отражение света от этих набежавших на глаза слез, вот и все.

– Нет, ты что, действительно ждешь, что Демерзель зальется слезами?

А Демерзель совершенно спокойно сказал:

– Это вовсе не трудно. Мои глаза время от времени производят слезы – для того, чтобы очищать глаза. Но слез бывает немного. Правда, я могу попробовать представить, что в глаза попала соринка, ну или еще что-нибудь в таком роде.

– Попробуй, – согласился Селдон. – От этого не умирают.

И вот настал день трансляции интервью с премьер-министром по субэфирному головидению. Демерзель сначала выступил с речью и говорил в обычной своей манере – холодно, сдержанно, информативно, без всякой патетики. Люди в миллионах миров во все глаза смотрели и во все уши слушали, что говорит Демерзель, но не слышали ни слова о роботах. Наконец речь подошла к концу, и Демерзель объявил, что готов ответить на вопросы.

Ждать ему пришлось недолго. Первый же вопрос оказался тем самым, сакраментальным:

– Господин премьер-министр, вы – робот?

Демерзель несколько мгновений спокойно смотрел на тележурналиста. А потом улыбнулся, плечи его слегка затряслись, и он расхохотался. Смех его не был громким, оглушительным, но так искренне мог смеяться только тот, кому подобное предположение показалось донельзя потешным и нелепым. Смех премьер-министра звучал так заразительно, что многомиллионная аудитория замерла, а затем принялась хохотать вместе с ним.

Демерзель дождался, пока смех стихнет в студии, и, утерев набежавшие на глаза слезы, спросил у журналиста:

– Ответить? Вы хотите, чтобы я ответил на этот вопрос?

Улыбка еще не сошла с его лица, когда экран погас.

Глава 23

– Уверен, – сказал Селдон, – наша затея сработала. Конечно, обратная реакция наступит не мгновенно. На это потребуется время. Но уже сейчас общественное мнение меняется в нужном направлении. На самом деле я кое-что понял уже тогда, на университетском поле, когда прервал выступление Намарти. Аудитория была у него в руках до тех пор, пока я не вмешался и не противопоставил свой пыл их численному преимуществу. Аудитория тут же переметнулась на мою сторону.

– И ты думаешь, что теперешняя ситуация аналогична той?

– Конечно. Раз уж у меня нет психоистории, приходится прибегать к аналогии, ну и еще к разуму, который у меня есть от природы. Что мы имели? Мы имели премьер-министра, которого обложили со всех сторон, как на охоте, а он встретил обвинение улыбкой и хохотом – самыми что ни на есть нероботскими проявлениями, какими только мог, а это само по себе уже было самым лучшим ответом на вопрос. И, естественно, симпатии начали склоняться в его сторону. Помешать процессу невозможно. Но это только начало. Нужно дождаться, пока в игру вступит Протуберанец Четырнадцатый. Послушаем, что он скажет.

– В этом ты тоже уверен?

– На все сто.

Глава 24

Теннис был одним из любимых видов спорта Гэри, но он гораздо больше любил играть сам, чем наблюдать, как играют другие. И потому он завистливо наблюдал за тем, как Император Клеон, одетый в спортивную форму, прыгает по корту, отражая удары. Теннис был весьма своеобразный, императорский, так сказать, именно такой вариант этой игры обожали Императоры: ракетка была компьютеризована и наклонялась под нужным углом в зависимости от нажатия на кнопку, вмонтированную в рукоятку. Гэри и сам не раз пытался приспособиться к игре такой ракеткой, но пришел к выводу, что это целая отдельная наука, а времени на ее освоение у Селдона не было.

Клеон послал мяч режущим ударом и выиграл сет. С корта он ушел под громкие рукоплескания наблюдавших за игрой чиновников.

– Поздравляю, сир, – сказал ему Селдон. – Вы играли просто превосходно.

– Вам так кажется, Селдон? – безразлично спросил Клеон. – А я никакого удовольствия не получил. Они, знаете ли, подыгрывают мне.

– В таком случае, сир, может быть, вам следует просить ваших противников играть более упорно?

– Не выйдет ничего, – махнул рукой Клеон. – Они все равно будут стараться проиграть. А если бы они обыгрывали меня, я бы получал от игры еще меньше удовольствия, чем от сомнительных побед. Быть Императором не так уж весело, Селдон. И Джоранум это поймет, если ему когда-либо суждено будет занять это место.

Император скрылся за дверью персональной душевой и вскоре появился вымытый, высушенный и одетый совсем иначе.

– Ну, Селдон, – проговорил он, взмахом руки повелев всем остальным удалиться. – Теннисный корт – вполне подходящее место для уединенной беседы. Погода к тому же просто замечательная, так что давайте здесь и поговорим. Я прочитал послание этого Протуберанца Четырнадцатого. Вы полагаете, что этого достаточно?

– Вполне, сир. Из этого послания явствует, что Джоранум объявлен Отступником по законам Микогена и обвиняется в святотатстве.

– Значит, ему конец?

– Ему нанесен сокрушительный, я бы сказал, смертельный удар, сир. Теперь мало кто поверит в рассказы, что наш премьер-министр – какой-то там робот. Более того, Джоранум теперь предстает в образе лжеца, позера и даже хуже – человека, которого в этом уличили.

– Уличили, точно, – задумчиво проговорил Клеон. – Вы хотите сказать, что если просто лжешь, но тебя не ловят на этом – это некрасиво, унижительно и ни у кого не может вызвать восхищения.

– Вы удивительно верно выразили мою мысль, сир.

– Стало быть, Джоранум более не опасен.

– В этом мы не можем быть абсолютно уверены, сир. Он даже теперь способен оправиться от потрясения. Его организация пока жива, и многие из его последователей верны ему. В истории хватает примеров, когда людям удавалось вернуться после поражений столь же сокрушительных, как теперешнее поражение Джоранума, и даже более сокрушительных.

– Раз так, надо его казнить, Селдон.

Селдон покачал головой:

– Это было бы неразумно, сир. Вы же не хотите спровоцировать восстание и предстать в роли деспота?

Клеон нахмурился:

– Ну вот, и Демерзель то же самое говорит. Стоит мне только пожелать принять решительные меры, как он тут же бормочет слово «деспот». Ведь были до меня Императоры, которые только то и делали, что прибегали к решительным мерам, и в итоге ими восхищались и считали их не деспотами, а просто людьми сильными и решительными.

– Это верно, сир, но мы живем в тревожное время. И потом казнь не так уж необходима. Вы можете достичь желаемой цели способом, который позволит вам прослыть просвещенным и милосердным монархом.

– Прослыть? Я не ослышался?

– Я оговорился, сир. *Остаться* просвещенным и милосердным. Казнь Джоранума выглядела бы как месть, а месть – всегда проявление слабости. А вы, будучи Императором, призваны с добротой – и даже по-отечески – относиться ко всем вашим подданным и к их убеждениям. Для вас, Императора, все люди равны.

– О чем это вы толкуете?

– О том, сир, что Джоранум нанес удар по священным чувствам микогенцев и вас ужаснуло его святотатственное преступление, его ложь, направленная на то, чтобы скрыть свое истинное происхождение. Что может быть лучше того, чтобы передать Джоранума микогенцам, и пусть они сами с ним разбираются? Вам будут рукоплескать за столь разумный подход к решению всеимперской проблемы.

– А микогенцы его казнят, как вы думаете?

– Очень может быть, сир. Их законы в отношении святотатственных проступков исключительно суровы. В лучшем случае его ждут пожизненное заключение и каторжные работы.

– Замечательно, – улыбнулся Клеон. – При таком раскладе я останусь гуманным и терпимым, а они сделают за меня грязную работу.

– Так оно и будет, сир, если вы *на самом деле* передадите Джоранума в руки микогенцев. Но и это может вызвать недовольство.

– Послушайте, вы меня совсем запутали. Что же мне делать, в конце концов?

– Дайте Джорануму возможность выбора. Скажите ему, что во имя блага всех народов Империи вы призваны передать его в руки микогенского правосудия, но ваша гуманность подсказывает вам, что микогенцы могут обойтись с ним излишне сурово. Следовательно, в качестве альтернативы, он может удалиться на Нишайю, маленькую отдаленную планету, откуда, как он *утверждал*, он родом, и прожить там остаток своих дней в покое и неизвестности. Конечно, вы позаботитесь о том, чтобы он находился там под охраной.

– И тогда все решится?

– Безусловно. Для Джоранума возвращение в Микоген было бы равно самоубийству, а он на меня не произвел впечатления человека, склонного к подобным вещам. Он, несомненно, выберет Нишайю, и хотя это более разумный выход, он все равно унизителен. Став ссыльным на Нишайе, он вряд ли сумеет остаться во главе какого бы то ни было движения, направленного на захват Империи. Его партия, конечно же, распадется. Может быть, они какое-то время и будут устраивать демонстрации с ликом Джоранума на флагах, но, согласитесь, поддерживать труса – занятие не самое благодарное.

– Восхитительно! Как вы только до всего этого додумались, Селдон? – с искренним восторгом воскликнул Клеон.

– Ну, – пожал плечами Селдон, – мне показалось вполне естественным предположить, что...

– Не надо, – прервал его Клеон. – Я не жду, что вы мне скажете правду, а если скажете, я ее вряд ли пойму. Я вам вот что скажу... Демерзель уходит в отставку. Последние события дались ему нелегко, и он считает, что ему пора на отдых. Я с ним вполне согласен. Но без премьер-министра мне не обойтись, и с этой минуты им становитесь вы.

– Сир! – воскликнул Селдон в ужасе и удивлении.

– Премьер-министр Гэри Селдон, – спокойно проговорил Клеон. – Император желает этого.

Глава 25

– Не волнуйся, – сказал Демерзель. – Это мое предложение. Я тут пробыл слишком долго. Чересчур много было кризисов, и сейчас положение таково, что я просто-таки парализован в своих действиях Тремя Законами. А ты вполне логично становишься моим преемником.

– Какой из меня преемник? – с жаром возразил Селдон. – Что я знаю об управлении Империей? Император совершенно по-дурацки убежден, что теперешний кризис я разрешил, руководствуясь законами психоистории. Но ведь это не так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.